

902.7

Э-47

Экскурсионный

вестник

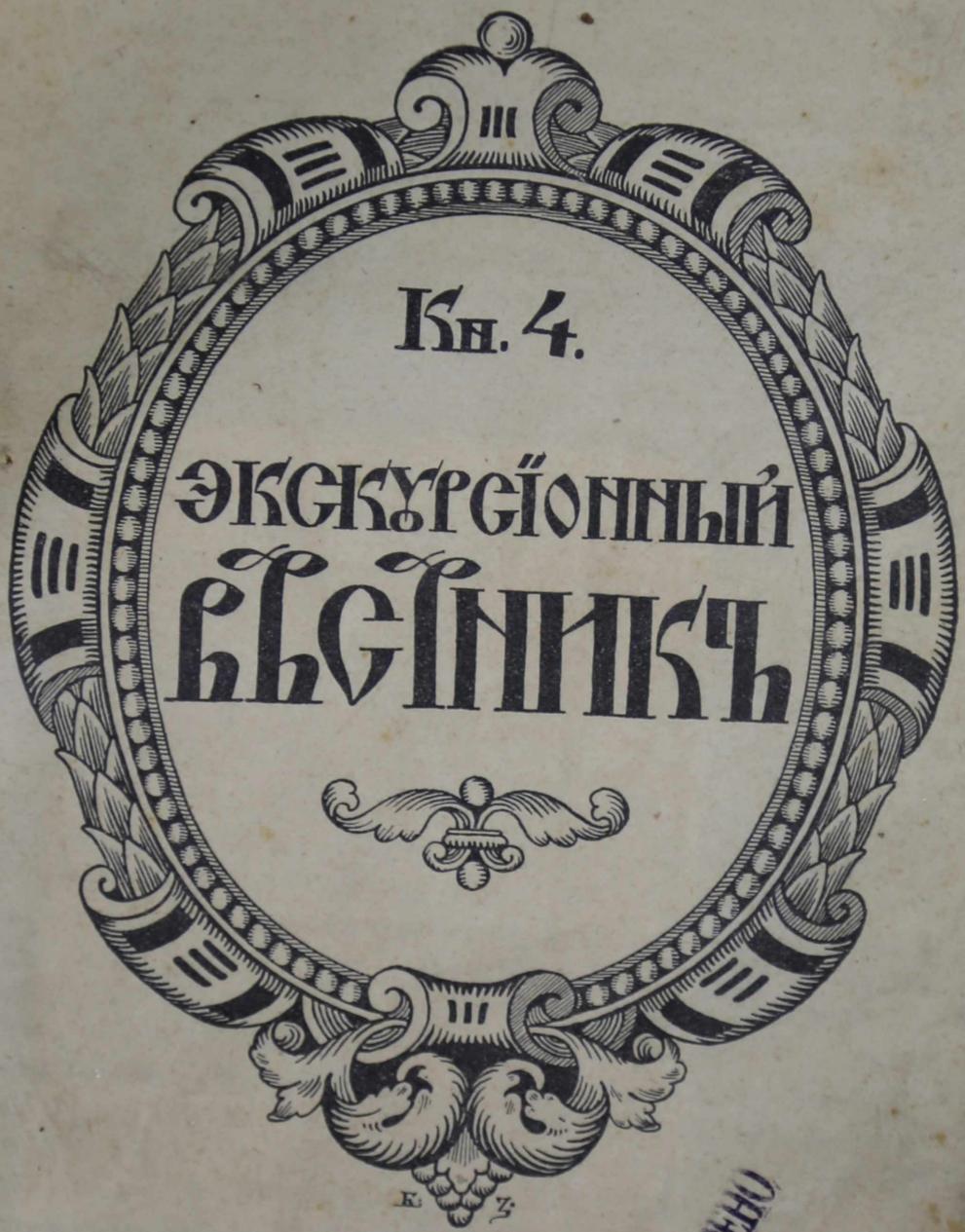
Кн. 4

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ СОВЕТ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ СССР

ИЗ КНИГ
С.П. Григорова

902.10
341



ПРОВЕРено

БИБЛИОТЕКА
№ 3288

БИБЛИОТЕКА
№ 158

Российский Институт культурного
и природного наследия
Библиотека



СТРАНА МИРНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРУДА.

(Очерки современной Бельгіи.)

Славное прошлое, пережитое бельгійскимъ народомъ на протяженіи его многовѣковой и многострадальной исторіи, снова воскресло теперь въ годину постигшаго его тяжкаго испытанія; снова, какъ не одинъ разъ и раньше, ярко вспыхнули въ душѣ бельгійскаго народа неугасимая старинная доблесть и геройство, создавшія бельгійское государства и доведшія его до настоящаго блестящаго расцвѣта, въ которомъ застала Бельгію такъ неожиданно обрушившаяся на нее война. Этотъ культурный расцвѣтъ маленькой страны явился прежде всего результатомъ тѣхъ творческихъ силъ, которыя были заложены отъ природы въ душѣ бельгійскаго народа съ одной стороны, съ другой, были какъ бы выкованы могучимъ молотомъ исторіи.

По своимъ размѣрамъ*) Бельгія является однимъ изъ самыхъ мелкихъ государствъ Европы, но по развитію промышленности, по трудо-способности ея населенія, она по праву можетъ быть поставлена на одно изъ первыхъ мѣстъ.

Природа щедро вознаградила эту страну, накопивъ въ ея нѣдрахъ

*) Ея территория, меньше территоріи, занимаемой Московской губерніей.

богатѣйшія залежи каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ, создавъ въ Бельгій такое рѣдкое сочетаніе необходимыхъ для развитія промышленности условій, которыя въ связи съ творческими и трудовыми началами народной души создали грандіозную картину промышленнаго и культурнаго расцвѣта. Залежи каменнаго угля находятся у подножія сѣверныхъ Арденнъ и составляютъ продолженіе зоны каменно-угольныхъ отложений, которая тянется съ востока на западъ, отъ Рейнскихъ сланцевыхъ горъ въ Германіи до Валансьена во Франціи. Наиболѣе богатые залежи каменнаго угля находятся въ провинціи Бельгій Геннегау, гдѣ онѣ образуютъ два района: первый, Боринажъ, лежитъ къ сѣверу отъ р. Самбры у французской границы близъ города Монсѣ, второй районъ—у самой р. Самбры, съ городами Шарлеруа, Жилли, Жюме и др. Далѣе эта зона каменноугольныхъ отложений Бельгій направляется къ Намюру и Люттиху, т.-е. въ долину р. Мааса съ его притокомъ р. Урдой.

Перечисленныя мѣстности, занимающія юго-восточную часть Бельгій,—суть средоточіе бельгійской промышленности и образуютъ такъ наз. «Черную Страну» Бельгій. Здѣсь на протяженіи огромной площади нѣдра земли непрерывно используются людьми: десятки тысячъ шахтеровъ, какъ легендарные гномы, копаются въ темныхъ и мрачныхъ подземельяхъ каменноугольныхъ шахтъ, углубляясь все глубже и ниже въ нѣдра земли за драгоценнымъ продуктомъ, который не даромъ называютъ «хлѣбомъ промышленности». Бельгійскія каменноугольныя копи углубились во многихъ мѣстахъ на глубину болѣе версты: шахты въ Леванъ-де-Фленю уже углубились до 1200 метровъ, до глубины наибольшей въ Европѣ. Производительность каменноугольныхъ бассейновъ въ Монсѣ, Шарлеруа и Льежѣ достигаетъ громадной цифры—24 милліоновъ тоннъ.

Сами каменноугольныя шахты большей частью оборудованы по послѣднему слову науки и техники. Громадные электродвигатели колоссальной мощности снабжаютъ шахты необходимой движущей силой; электрическіе кабели проложены подъ землей и по нимъ необходимая энергія доставляется въ шахты для приведенія въ движеніе подъемныхъ машинъ (для подъема и спуска людей и для подъема выработаннаго угля); по этимъ же проводамъ электрическая энергія приводитъ въ движеніе вентиляторы, насосы для выкачиванія воды, воздухонагнетатели для вращенія буравовъ, сверлящихъ каменноугольные слои, для пневматическихъ молотовъ, дробящихъ куски матеріала и вообще для многихъ машинъ,

дѣйствующихъ сжатымъ воздухомъ. Все здѣсь устроено такъ, чтобы облегчить тяжелую подземную работу, которая безъ веѣхъ этихъ новѣйшихъ усовершенствованій всегда считалась самой тяжелой изъ веѣхъ видовъ работъ. Жизнь и процвѣтаніе Бельгіи такъ тѣсно связаны съ добычаніемъ каменнаго угля, что даже современное бельгійское искусство отразило на себѣ эту особенность государственной жизни: поразительныя по силѣ экспрессіи скульптуры Менье, одного изъ талантливѣйшихъ скульпторовъ не только Бельгіи, но и Европы, посвященныя жизни и труду бельгійскихъ рудокоповъ, даютъ блестящее этому доказательство. Эти мощныя мускулистыя фигуры, какія мы видимъ, напр., на барельефѣ: «Возвращеніе рудокоповъ», дышатъ правдой жизни и являются вмѣстѣ съ другими подобными же его произведеніями гимномъ тяжелой трудовой жизни этихъ подземныхъ работниковъ, на плечахъ которыхъ, какъ на плечахъ Атланта, покоится мощь бельгійской промышленности.

Нѣдра каменноугольной области изрыты и изрѣзаны сѣтью многочисленныхъ шахтъ, но и поверхность земли въ этой области представляетъ весьма своеобразную картину. Многочисленные промышленные городки и мѣстечки съ фабриками и заводами, извергающими клубы чернаго дыма, кажется, грозятъ окончателно закоптить небо, грохотъ машинъ, лязгъ желѣза, сверкающіе по вечерамъ безчисленные электрическіе огни фабричныхъ и заводскихъ зданій, красноватое зарево доменныхъ печей, выплавляющихъ желѣзо, и бессемеровскихъ,—все это создаетъ полную трудового оживленія картину кипучей промышленной жизни.

Крупныя центры, каковы Льежъ, Намюръ, Вербье, Монсъ, Шарлеруа и др., образуютъ цѣлыя промышленныя округа, которые предпочтительно вырабатываютъ тѣ или другія издѣлія.

Такъ, напр., Шарлеруа является центромъ стекольной промышленности. Въ немъ самомъ и его округѣ насчитывается 37 стекольныхъ и зеркальныхъ заводовъ *), изготовляющихъ ежедневно около 4000 метровъ зеркальнаго стекла, свыше 80000 метровъ оконнаго стекла, до 20 тысячъ бутылей и множество хозяйственныхъ предметовъ. Вербье служитъ центромъ шерстяной промышленности.

*) Цифры, приводимыя въ статьѣ, заимствованы изъ книги инженера Изара: «Современная Бельгія» и изъ нѣкоторыхъ другихъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ отраслямъ бельгійской промышленности.

Льежъ и Намюръ—центры желѣзодѣлательной промышленности (выдѣлка машинъ и огнестрѣльнаго оружія) и добычи каменнаго угля. Расположенный въ живописной долиинѣ Мааса съ массой красивыхъ зда-

Льежъ. Знаменитый мостъ черезъ рѣку Маасъ, нынѣ разрушенный нѣмцами.



ній, остроконечныхъ церквей, среди зелени садовъ и парковъ, Льежъ съ перваго взгляда производитъ впечатлѣнiе города, далекаго отъ той кипучей промышленной жизни, которой онъ выдается среди другихъ городовъ Бельгiи; но если въ Льежѣ взойти на вершину горы Беренъ, то съ нея удивленному взору открывается единственная въ своемъ родѣ картина: цѣлый лѣсъ трубъ, громадныя пушечныя, ружейныя и машиностроительныя заводы, многочисленныя заводскiя зданiя и службы, дома съ черепичатыми крышами сгрудились у подножiя горы, образуя промышленный муравейникъ, называемый предмѣстьемъ С.-Леонарда, далѣе виднѣются заводы Жюпиль, Шене, Англера и др. Самъ Льежъ полонъ историческихъ воспоминанiй: въ немъ найдены при раскопкахъ во время работъ на площади С.-Ламберъ остатки римскихъ сооруженiй; это было, очевидно, одно изъ тѣхъ укрѣпленiй, которыя были построены во время войнъ съ галлами и которыя служили важными стратегическими пунктами; исторiя Льежа связана съ исторiей франкскихъ королей; Льежъ былъ свидѣтелемъ того, какъ отправлялся въ крестовый походъ Готфридъ

Бульонскій; ему пришлось пережить ужасы народнаго возстанія 1312 года, когда такъ называемые «большіе» были побѣждены «малыми» и были заперты въ башнѣ церкви св. Мартина и тамъ были сожжены.

Льежъ играетъ также важную роль въ дѣлѣ распространенія столь необходимаго для Бельгіи, какъ промышленнаго государства, технического образованія. Его университетъ, основанный въ 1817 году на ряду съ факультетами: медицинскимъ, юридическимъ, словеснымъ и философскимъ, имѣетъ еще техническій и математическій, на которыхъ учатся болѣе $\frac{2}{3}$ его студентовъ, и эти два послѣдніе факультета, тѣсно связанные между собой, отличаются блестящей постановкой преподаваемыхъ на нихъ предметовъ; слава технического факультета Льежа такъ велика, что на него стекаются слушатели не только изъ Бельгіи, но и много иностранцевъ, число которыхъ превышаетъ половину всего количества студентовъ этого факультета. Какъ горнозаводскій центръ Льежъ имѣлъ полную возможность организовать великолѣпные музеи и знакомить своихъ слушателей всесторонне съ практикой дѣла. Технический факультетъ университета дополняется еще электротехническимъ институтомъ, оборудованнымъ по послѣднему слову такъ, что ему нѣтъ равнаго на континентѣ. Успѣхи преподаванія, кромѣ прекраснаго оборудованія зиждутся еще на блестящихъ качествахъ преподавательскаго персонала, который набирается изъ инженеровъ-спеціалистовъ, работающихъ или работавшихъ на фабрикахъ и заводахъ и въ совершенствѣ изучившихъ въ теоріи и на практикѣ свои специальности. Но техническій прогрессъ зависитъ не только отъ хорошо подготовленныхъ инженеровъ, важно также имѣть и хорошо обученныхъ низшихъ техниковъ и рабочихъ; и эта сторона была здѣсь принята во вниманіе: цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, механическихъ школъ, профессиональныхъ классовъ устроены здѣсь для того, чтобы удовлетворить эту насущную потребность. Особенно интересна механическая школа, основанная мѣстными промышленниками и субсидируемая государствомъ и городомъ. Въ ней до 350 мальчиковъ съ дѣтскаго возраста получаютъ техническую и профессиональную подготовку; здѣсь имъ даются основныя элементарныя теоретическія познанія, но главный центръ тяжести обученія переносится въ техническія мастерскія и чертежныя, гдѣ они приобретаютъ практическіе навыки, привычку къ специальнымъ работамъ, гдѣ имъ всячески внушается любовь къ труду и пониманіе цѣнности образованія для успѣховъ профессиональной работы.

Чтобы наглядно представить себѣ колоссальный ростъ бельгійской промышленности, чтобы воочию убѣдиться, какихъ результатовъ въ смыслѣ совершенства техники она достигла, для этого слѣдуетъ познакомиться съ однимъ изъ крупнѣйшихъ предприятий въ округѣ Льежа. Въ городѣ Сэрэнѣ вблизи Льежа находятся заводы Джона Кокерилия, представляющіе громаднѣйшій интересъ и размѣрами производства, и разнообразіемъ вырабатываемыхъ продуктовъ. Заводы были основаны въ 1817 году ирландцемъ Джономъ Кокерилемъ, которому по приказу короля Нидерландскаго Вильгельма I были для этой цѣли пожалованы помѣстья съ замкомъ князей-епископовъ на берегу Мааса съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ здѣсь машиностроительный заводъ. Джонъ Кокериль устроилъ здѣсь такой заводъ, примѣнивъ здѣсь все новѣйшія усовершенствованія, которыя были достигнуты въ Великобританіи въ этой отрасли.

Заводы Кокерилия занимаютъ территорію въ 140 гектаровъ, на которыхъ располагаются все три отрасли ихъ производства: угольнопромышленная, чугуноплавильная и сталелитейная. Чугунъ выплавляется здѣсь въ 6 громаднѣйшихъ плавильняхъ, дневная производительность которыхъ равняется 200 тоннамъ чугуна, при чемъ для выплавки его тратится ежедневно свыше 450 тоннъ руды и кокса. Когда расплавленный чугунъ изъ особаго отверстія плавильной печи выпускается въ отливочныя каналы, то словно огненная рѣка медленно течетъ передъ вами, во все стороны летятъ искры, какъ яркія звѣздочки, а въ это время рабочіе, ловкіе и смѣлые, быстро преграждаютъ путь огненному потоку, закладывая на его пути комья глины, которые они несутъ на длинныхъ шестахъ. Этотъ моментъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и производитъ сильное впечатлѣніе на зрителя.

Не менѣе сильное впечатлѣніе производитъ отдѣленіе сталелитейное; громадныя глыбы стали, предварительно раскаленныя, при помощи цѣлаго ряда механическихъ приспособленій подводятся подъ гигантскіе валы, расплющиваются, принимаютъ опредѣленную форму и въ видѣ полосъ, рельсъ, разрѣзанныя громадными рѣзаками, автоматически укладываются въ ряды на вагонетки-площадки, которыя ихъ и отвозятъ отсюда. Для этого рода работъ живую силу даетъ громадная паровая машина въ 10000 лошадиныхъ силъ.

Ковка металла въ настоящее время всюду производится при помощи гидравлическихъ прессовъ—молотовъ. Гидравлическій прессъ на заводѣ Кокерилия плющитъ сталь съ силой давленія въ 2000 тоннъ;

этотъ прессъ движется и давитъ металлъ силой давленія воды, которая нагнетается нѣсколькими помпами. На заводахъ Кокерилля изготовляются корабельныя брони, части машинъ, пароходные винты гигантскихъ размѣровъ, громадныя пушки и множество другихъ разнообразныхъ предметовъ. Уголь и руда для всего этого производства доставляется изъ копей и рудниковъ, оборудованныхъ не менѣе совершенно, чѣмъ и сами заводы.

Посѣщеніе фабрикъ и заводовъ другихъ промышленныхъ районовъ, дополняетъ картину общаго необычайнаго расцвѣта бельгійской промышленности и даетъ яркое представленіе о той массѣ труда, знанія и богатства капитала, затрачиваемыхъ Бельгіей въ ея промышленности.

Если мы покинемъ южную Бельгію и переѣдемъ въ сѣверную, то картины природы и быта совершенно измѣняются: широкіе холмы, разрѣзанные извилистыми рѣками, многочисленныя фабрично-заводскіе городки съ ихъ вѣчно дымящимися трубами и напряженной трудовой суетой постепенно уступаютъ мѣсто широкимъ, плоскимъ равнинамъ, цвѣтушимъ зеленѣющимъ полямъ съ разбросанными среди нихъ безчисленными деревнями, фермами, прорѣзаннымъ каналами; вся эта равнина, состоящая изъ плодородныхъ маршей, уходитъ къ сѣверу, оканчиваясь у морского берега песчаными валами дюнъ съ густыми хвойными лѣсами, на которыхъ размѣстились купальныя мѣстечки и городки: Остенде, Блянкенберге, Мариакерке, Вестенде и другіе. Равнины эти образуютъ слѣдующія провинціи Бельгіи: Брабантъ, Западная и Восточная Фландрія и Антверпенъ.

Многочисленныя желѣзныя дороги покрыли и сѣверную и южную Бельгію густой сѣтью; по развитію желѣзнодорожной сѣти Бельгія первое государство не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ: достаточно указать, что въ Бельгіи нѣтъ такой деревни и мѣстечка, которыя бы находились отъ желѣзной дороги далѣе 10—15 верстъ. Поэтому неудивительно, что въ Бельгіи годовое количество поѣздокъ и пассажировъ громадны, достигая внушительной цифры 200 милліоновъ въ годъ. Бельгійскія желѣзныя дороги отличаются скоростью движенія и дешевизной тарифа. Подобно Швейцаріи здѣсь дѣйствуетъ система абонементныхъ поѣздокъ, еще болѣе удешевляющая

передвиженіе по бельгійскимъ желѣзнымъ дорогамъ: напримѣръ, 15-дневный абонементъ во II классѣ стоитъ 41 франкъ и въ III классѣ—23,5 франка и за эту, поистинѣ ничтожную плату, пассажиръ-абонентъ имѣетъ право изъѣздить 4650 километровъ, въ Швейцаріи же такой же абонементъ II класса стоитъ 65 франковъ и III класса—45 фр. И въ Бельгіи и туристы и мѣстные жители широко пользуются этими удешевленными поѣздками, вотъ почему такъ велико годовое количество желѣзнодорожныхъ поѣздокъ.

Подобно фабрично-заводской промышленности и земледѣліе ведется въ Бельгіи образцово; два условія благопріятствуютъ такому веденію сельскаго хозяйства: съ одной стороны, плодородная почва маршей, съ другой, обиліе и дешевизна сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, получаемыхъ съ собственныхъ заводовъ, при исключительномъ трудолюбіи населенія,—сдѣлали сѣверную низменную Бельгію страной образцово поставленнаго земледѣльческаго хозяйства. Богатые урожаи пшеницы, льна, свекловицы, кормовыхъ травъ получаютъ бельгійцы съ своихъ полей. Ленъ и свекловицу продаютъ на фабрики и заводы, пшеница идетъ для внутренняго потребленія въ странѣ, а кормовыя травы даютъ возможность разводить скотъ, преимущественно лошадей—тяжеловозовъ, отличающихся большой силой и выносливостью. Бельгійскія деревни имѣютъ весьма привлекательный и привѣтливый видъ. Красивые и уютные домики, построенные изъ камня-дикаря или изъ кирпича подъ черепицей, окруженные небольшими огородами и садиками съ пестрыми въ нихъ разнообразными цвѣтами (ибо бельгійцы—большіе любители цвѣтовъ), свидѣтельствуютъ о зажиточности населенія и о его стремленіи создать себѣ удобную и пріятную жизнь. Часто стѣны домовъ и строеній бываютъ завиты дикимъ виноградомъ и это придаетъ имъ еще больше уюта. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, все населеніе деревни за работой; смотря по сезону, мужчины работаютъ безъ устали въ полѣ, въ саду, въ огородѣ, въ лѣсу, въ каменоломняхъ; женщины заняты или работой по дому или полевыми работами, дѣти учатся въ школѣ, а въ свободное время помогаютъ родителямъ. Большія услуги въ качествѣ домашнихъ животныхъ оказываютъ крупныя собаки, которыхъ крестьяне запрягаютъ въ небольшія телѣжки; нагрузивъ эти

телѣжки жестяными сосудами съ молокомъ, или корзинами съ овощами или фруктами, или цвѣтами, они поручаютъ ихъ подросткамъ-дѣтямъ и отправляютъ въ ближайшіе городки и мѣстечки на базаръ. Нужно замѣтить, что эти умные псы даютъ существенную помощь не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и оказываютъ огромныя услуги въ арміи для перевозки пулеметовъ и зарядныхъ ящиковъ; они исполняютъ не только мирную работу повседневнаго крестьянскаго труда, но и несутъ и добросовѣстно отправляютъ военную службу. Опытъ настоящей войны показалъ, насколько цѣнныя и незамѣнимыя услуги оказываютъ въ войскахъ эти умныя животныя.

Въ привычкахъ, характерѣ и образѣ жизни деревенскихъ жителей Бельгіи слѣдуетъ отмѣтить большое трудолюбіе, добродушіе, привѣтливость, любовь къ дѣтямъ и стремленіе къ порядку и чистотѣ. Степень зажиточности можетъ быть разная, но опрятность жилищъ и одежды одинаковы и у богатыхъ и у бѣдныхъ.

Въ деревняхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть церковь, священникъ которой является почитаемымъ лицомъ, почта, аптека, докторъ, иногда гостиница и даже типографія. Въ свободное время бельгійскій крестьянинъ любитъ посидѣть въ кафе, гдѣ за стаканомъ вина или пива онъ находитъ отдыхъ отъ ежедневной тяжелой работы, можетъ почитать газету, которая всегда доставляется аккуратно въ деревню благодаря прекрасному порядку, царствующему въ почтовыхъ учрежденіяхъ. Чтеніе газетъ, бесѣда съ сосѣдями или пріѣзжими держитъ бельгійскаго крестьянина всегда въ курсѣ текущихъ событій. Въ праздничные дни кафе посѣщаются цѣлыми семьями, иногда, если появятся музыканты, то устраиваются и танцы, которымъ съ большой охотой предаются и старъ и младъ.

За послѣднее время въ бельгійскую деревню начинаетъ проникать стремленіе къ образованію кооперативовъ, что сдѣлаетъ жизнь еще болѣе удобной и дешевой. Непрестанный мирный трудъ, взаимопомощь, пользованіе машинами и другими успѣхами, достигнутыми въ области сельскаго хозяйства—вотъ что дѣлаетъ и создаетъ благополучіе и благоденствіе бельгійской деревни.

Во Фландріи и Брабантѣ цѣлый рядъ городовъ хранитъ въ себѣ слѣды пышной и богатой старины; эти города главнымъ образомъ, Брюгге,

Мехельнъ (Малинъ), Лувенъ, Ипръ и нѣкоторые другіе, на ряду съ кипучими, полными торговаго оживленія, Брюсселемъ, Антверпеномъ, Генотомъ,—тихіе, замершіе, живущіе воспоминаніями о славномъ прошломъ, города-музеи, представляющіе громаднѣйшій интересъ для всякаго любознательнаго человѣка. Старый Брюгге, городъ былого величія, въ средніе

Брюгге.



вѣка былъ крупнымъ торговымъ центромъ, который соперничалъ съ гордой Венеціей, Генуей и Гамбургомъ. Его портъ былъ тогда переполненъ торговыми судами, привозившими и увозившими множество разнообразныхъ товаровъ. Купцы двадцати націй имѣли здѣсь своихъ представителей; здѣсь впервые возникли страховыя общества и биржи. Неслыханныя нигдѣ въ Европѣ богатство и роскошь царили здѣсь. Богатые наряды, драгоценныя камни украшали блиставшихъ фламандской красой женъ и дочерей именитыхъ гражданъ Брюгге, возбуждая зависть не только согражданъ сосѣднихъ городовъ, но и сосѣднихъ государствъ. Но этотъ блескъ и пышный расцвѣтъ города сталъ меркнуть, по мѣрѣ того, какъ его торговыя обороты стали уменьшаться, сокращаться велѣдствіе обмелѣнія канала, соединявшаго городъ съ моремъ. Стихійная сила природы—медленное и неуклонное засыпаніе пескомъ канала Звина постепенно уничтожило его громадную торговлю: биржи и конторы иностранныхъ купцовъ были переведены въ удобный для морской торговли лежащій у устья Шельды (Эско) Антверпенъ. Тихо и пусто стало въ Брюгге; бѣдность стала заглядывать и въ богатые нѣкогда дома; число жителей

стало уменьшаться; такимъ дожилъ до нашего времени Брюгге, когда была бельгійскими инженерами сдѣлана блестящая попытка оживить мертвый городъ расчисткой канала и созданиемъ морского порта—Зее-брюгге. Къ 1905 году работы были въ главныхъ чертахъ закончены, и городъ сталъ вновь пробуждаться, но жестокая война, разразившаяся теперь въ Европѣ, снова и надолго отодвинула возрожденіе мертваго Брюгге.

Брюгге—городъ мостовъ; ихъ насчитывается 320, перекинутыхъ черезъ многочисленные каналы. Тихо спятъ спокойныя, поросшія кувшинками и другими водяными растеніями, воды каналовъ, угрюмо смотрятъ, точно нахмуренные старые темные дома, подъ высокими черепичатыми крышами, и бѣлые лебеди плавно скользятъ по ихъ лону. Высокая вѣчевая башня надъ зданіями рынка сторожитъ покой этого рѣдкаго по красотѣ города. Встаютъ, какъ живые, образы славнаго прошлаго, при прогулкахъ по городу, при посѣщеніи чудеснаго построеннаго въ XIV—XVI вв., готическаго собора, и его музеевъ, хранящихъ картины Яна-ванъ-Эйка, Мемлинга и другихъ мастеровъ—представителей до-Рубенсовой эры.

Короткій переѣздъ по желѣзной дорогѣ и мы въ Гентѣ, центрѣ прядильнаго и ткацкаго дѣла, а также и садоводства. Обработка льна въ Гентѣ ведется съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Равнины Фландріи, окружающія Гентъ, засѣяныя льномъ, даютъ въ изобиліи нужный матеріалъ, который перерабатывается на крупныхъ Гентскихъ льно-прядильняхъ, насчитывающихъ иногда десятки тысячъ веретенъ, а также и на домашнихъ станкахъ въ окрестныхъ деревняхъ. Свыше 30 милл. килограммовъ льняной бельгійской нитки вывозится теперь ежегодно изъ Гента. Такой громадный ростъ этого рода промышленности вызвалъ къ жизни въ Гентѣ еще и изготовленіе ткацкихъ машинъ и электродвигателей къ нимъ, и въ этой отрасли бельгійцы достигли замѣчательнаго совершенства. Могучій толчокъ процвѣтанію города дало созданіе новаго порта, который путемъ каналовъ, шлюзовъ и другихъ сооружений соединилъ его съ идущимъ къ морю большимъ Тернезенскимъ каналомъ.

Интересную черту въ жизни Гента составляютъ его кооперативныя учрежденія, основанныя рабочими обществами: «Вольные Пекаря» кооперативъ для изготовленія и продажи по удешевленной цѣнѣ хлѣба, а впоследствии развившіи свои обороты въ другихъ видахъ снабженія

необходимыми товарами, и такъ называемый «Нашъ Домъ», громадное зданіе, вмѣщающее въ себѣ кафе (но безъ спиртныхъ напитковъ), библиотеку, концертный залъ и цѣлый рядъ кружковъ: хоровой, драматическій, гимнастическій и другіе, служацій для отдыха и разумныхъ развлеченій основавшимъ кооперацію рабочимъ,—наиболѣе крупныя организаціи этого рода.

Въ окрестностяхъ Гента разбросаны многочисленныя садоводства съ оранжереями, въ которыхъ культивируются разнообразныя растенія, въ особенности орхидеи, дающія роскошныя и по формѣ и по окраскѣ цвѣты.

Мехельнъ (Малинь)—тихий и мирный городокъ, но нѣкогда онъ игралъ важную роль въ политической жизни страны, такъ какъ былъ столицей правительницы Нидерландовъ. Въ настоящее время слава и гордость Мехельна—это его соборъ Свѣтъ-Ромбо съ громадной башней, высота которой равна 98 метрамъ; но эта башня не была своевременно достроена; по первоначальному проекту она должна была имѣть высоту свѣще 160 метровъ. Это замѣчательное сооруженіе, интересное само по себѣ, знаменито своими колоссальными курантами, мелодичный перезвонъ которыхъ раздается каждую четверть часа надъ тихимъ городомъ, возвѣщая о никогда не останавливаемомъ и неустанномъ теченіи времени.

Эти часы-куранты едва ли не величайшіе въ мірѣ. Каждый циферблатъ (ихъ всего четыре) въ окружности имѣетъ 96 метровъ, часовая стрѣлка—болѣе $3\frac{1}{2}$ метровъ въ длину. Ихъ построилъ въ первой половинѣ XVI вѣка знаменитый въ то время часовой мастеръ Франкъ Вотэ. Полный колокольный звонъ состоитъ изъ 66 колоколовъ; они гармонически построены на нѣсколько октавъ, благодаря чему является возможность разнообразить мелодіи различныхъ специально установленныхъ для тѣхъ или иныхъ случаевъ звоновъ. Такъ, напр., были установлены специальный звонъ для начала и окончанія работъ, для свадебъ, похоронъ, для четвертей часа, для ежечаснаго звона, для полуденнаго звона (къ слову сказать наиболѣе интереснаго, ибо этотъ звонъ представляетъ цѣлую музыкальную пьесу), для сигнала тушить огни въ домахъ и т. д. Словомъ вся ежедневная жизнь города регулировалась этими звонами; потому мы и видимъ такое обиліе колоколовъ. Общій вѣсъ колоколовъ около 1500 пудовъ, а самый большой колоколъ, дающій тонъ Si-bemol, вѣситъ около 500 пуд. Интересно ознакомиться съ внутреннимъ устрой-

ствомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ музыкальнаго инструмента. Для этого надо подняться на колокольню, одолѣвъ 554 ступени; здѣсь наверху помѣщаются огромныя клавикорды, клавиши которыхъ расположены въ нѣсколько рядовъ; цѣлая система рычаговъ и цѣпей соединяетъ ихъ съ колоколами, и нужны и специальная выучка, и огромный музыкальный вкусъ, чтобы извлекать тѣ дивныя, чарующія и молитвенно настраивающія звуки, которые разносятся въ тишинѣ маленькаго, меланхолическаго городка, ушедшаго всецѣло въ далекія воспоминанія. Этотъ знаменитый «малиновый звонъ» сдѣлался затѣмъ нарицательнымъ именемъ.

Мехельнъ кромѣ того служитъ однимъ изъ главныхъ оплотовъ кружевной промышленности, снабжающей Европу тончайшими «брюссельскими» кружевами. На одной изъ уединенныхъ улицъ находится такъ называемый «бегинажъ», любопытный осколокъ средневѣковья. Это нѣчто среднее между монастыремъ и убѣжищемъ для женщинъ, желающихъ посвятить себя дѣламъ благочестія, благотворительности и трудовой жизни. Сестры-бегинки не связаны на всю жизнь монастырскимъ обѣтомъ, онѣ обязаны лишь отправлять обязанности по дѣламъ милосердія и благотворительности и являться 3 раза въ день на церковныя службы. При бегинажѣ находится школа кружевного дѣла, въ которыхъ опытныя бегинки обучаютъ дѣвочекъ въ теченіе 10—12 лѣтъ искусству плести кружева, чтенію, письму, правиламъ вѣры и благочестія, а также и разнымъ хозяйственнымъ работамъ. Въ Бельгій такихъ школъ 160, школа въ Мехельнѣ одна изъ наиболѣе крупныхъ. Кружевное искусство въ Бельгій въ настоящее время постепенно падаетъ и только бегинажи, гдѣ это искусство передается отъ одного поколѣнія опытныхъ бегинокъ къ другому, являются его хранителями.

Когда изъ Брюгге или Мехельна попадаешь въ Брюссель, то сразу переносишься отъ образовъ средневѣковья къ кипучей современности. Брюссель не даромъ называютъ «маленькимъ Парижемъ»; это многолюдный, шумный, торговый, веселый и оживленный городъ. Когда подъѣзжаешь къ Брюсселю или смотришь на него съ какого-либо возвышеннаго пункта, то видишь массу разнообразныхъ зданій, построекъ, надъ которыми гордо царитъ величественная громада собора св. Гудулы съ ея громадными четырехугольными башнями, напоминающими башни Реймскаго собора или Собора Парижской Богоматери. Покинувъ вагонъ желѣзной дороги на сѣверномъ вокзалѣ (прибывая изъ Мехельна), ту-

риетъ попадаетъ на площадь Націй (Place des Nations). Отсюда налѣво по бульвару Ботаническаго сада, куда можно и слѣдуетъ заглянуть для бѣлаго его обозрѣнія, по узенькимъ улицамъ, идущимъ вверхъ, мы попадемъ въ верхній городъ на площадь св. Гудулы. Здѣсь, на тѣсной площади, среди обступившихъ его домовъ высится громаднѣйшій, суровый готическій соборъ, построенный въ XIII—XVI вѣкахъ, одинъ изъ

наиболѣе характерныхъ памятниковъ брабантскаго готическаго зодчества. Широкий, массивный, богато и обильно украшенный по фасаду статуями и другими скульптурными украшеніями съ громадными четырехугольными башнями, соборъ производитъ впечатлѣніе неотразимое и подавляющее. Его суровое величіе, его громадныя размѣры должны напоминать человѣку о его ничтожествѣ въ сравненіи съ величіемъ и необъятностью Божества, о его грѣховности и внушать трепетъ, покорность и смиреніе. Мрачныя религіозныя средневѣковыя вѣрованія были воплощены здѣсь въ этой каменной громадѣ великими мастерами



Брюссель.—
Соборъ
св. Гудулы.

своего времени. Внутри соборъ производитъ не меньшее впечатлѣніе. Дивныя свѣтописныя окна, живопись, скульптура—все это заставляеть посетителя восторгаться и восхищаться на каждомъ шагу; въ числѣ достопримѣчательностей собора одна изъ болѣе интересныхъ и восхитительныхъ—это его деревянная каюдра, вырѣзанная изъ темнаго дуба, на которой снаружи находится рѣзная группа, изображающая изгнаніе первыхъ людей изъ рая послѣ грѣхонаденія: смятенныя, испуганныя, полныя сознанія совершеннаго грѣха фигуры Адама и Евы и летящая

въ воздухѣ надъ ними фигура гнѣвнаго Архангела съ мечомъ—полны потрясающаго драматизма и движенія. Въ часы богослуженія мощные звуки органа волнами ходятъ по собору, сотрясая воздухъ, навѣвая молитвенное настроеніе и устремляя мысль и чувства къ Богу.

По кривой и узкой Rue de Ligne мы отъ собора выходимъ на площадку-скверъ, на которой высится Колонна Конгресса, памятникъ, поставленный въ честь важнаго событія, опредѣлившаго судьбы Бельгii: въ 1831 году Національный Конгрессъ провозгласилъ отдѣленіе Бельгii отъ Нидерландскаго королевства и ея государственную независимость; съ этого года началась для Бельгii эра самостоятельнаго существованія, давшего ей то процвѣтаніе, въ которомъ и застала ее настоящая война. Этотъ скверъ находится въ началѣ Королевской улицы, которая ведетъ къ парку и королевскому дворцу. Тѣнистый паркъ, содержимый въ большомъ порядкѣ, украшенъ цвѣтниками, фонтанами и статуями, среди которыхъ мы видимъ бюстъ Петра Великаго; его тѣнистыя аллеи привлекаютъ для отдыха въ вечерніе часы, когда здѣсь играетъ музыка, массу гуляющей публики, которая наполняетъ его весельемъ и шумнымъ оживленіемъ. Королевскій дворецъ находится по другую сторону парка на площади, посрединѣ которой поставлена величественная конная статуя Готфрида Бульонскаго. Прямымъ продолженіемъ Королевской улицы служитъ улица Регентства, которая начинается у королевскаго дворца и ведетъ къ подножію холма, увѣнчаннаго громаднымъ Дворцомъ Правосудія. По дорогѣ къ холму нельзя пройти безъ вниманія находящейся на этой улицѣ скверъ Petit Sablon, гдѣ среди зелени стоитъ на каменномъ пьедесталѣ бронзовая группа, изображающая двухъ славныхъ и благородныхъ сыновъ Бельгii, погибшихъ мученической смертью за свободу дорогой родины, героевъ, свято чтимыхъ въ народной памяти, казенныхъ свирѣлымъ герцогомъ Альбой, графа Эгмонта и Горна.

Конецъ улицы Регентства упирается въ громадную лѣстницу, по ступенямъ которой идетъ подъемъ къ Дворцу Правосудія. Это грандіозное сооруженіе, по размѣрамъ своимъ и по внѣшности напоминающее постройки Сирii и Египта, занимаетъ огромную площадь въ 24.600 кв. м., на 3.400 кв. м. больше площади собора св. Петра въ Римѣ. Высота его центрального купола 122 метра. Это колоссальное зданіе заключаетъ въ себѣ 27 большихъ залъ, 245 малыхъ залъ и 8 дворовъ; оно богато отдѣлано снаружки и внутри. Оно такъ же, какъ и соборъ св. Гудулы, господствуетъ надъ городомъ и съ его террасъ открывается обширный

видъ на городъ и его окрестности. На улицѣ Регентства вблизи Королевской улицы находится Музей Изыщныхъ Искусствъ; это—красивое зданіе, украшенное по фасаду четырьмя гранитными колоннами съ бюстами Рубенса, Ж. де-Булонь и Ванъ-Рюисбрёка, а также аллегорическими фигурами, олицетворяющими музыку, скульптуру, живопись и архитектуру. Музей содержитъ богатое собраніе картинъ старыхъ мастеровъ:

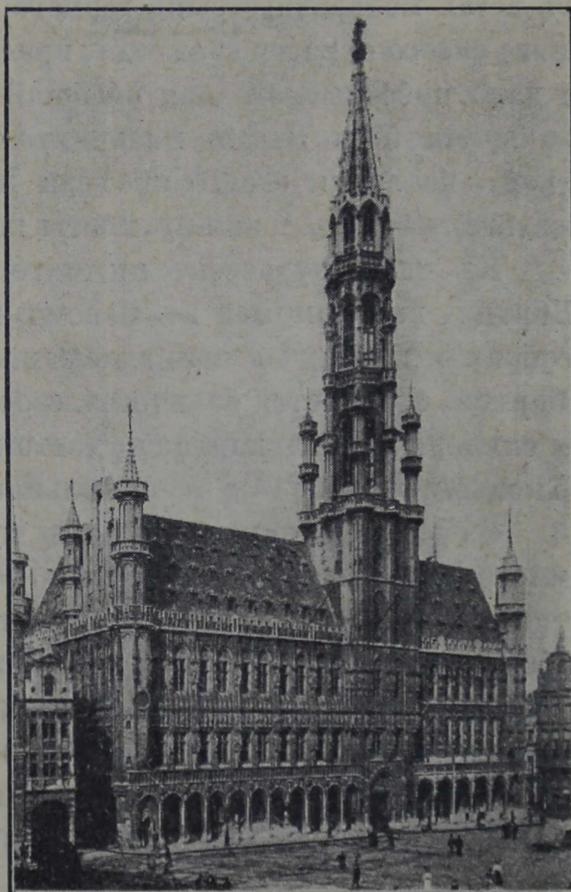
Брюссель.
Главная площадь.



Ванъ-Эйка, Кв. Мэтсека, и мастеровъ фламандской школы: Рубенса, Ванъ-Дейка, Тенирса, Хальса, Стена и др. Очень богатъ и его скульптурный отдѣлъ: мощные, полные силы статуи и рельефы Менье, изображающіе трудовую, рабочую Бельгію въ ея представителяхъ; изящныя мраморныя статуи и группы, по чистотѣ линий и красотѣ мало уступающія произведеніямъ античной скульптуры, наполняютъ этотъ отдѣлъ музея и характеризуютъ намъ тѣ успѣхи въ искусствѣ ваянія, которыхъ достигли талантливые бельгійскіе скульпторы.

Отъ площади Королевскаго Дворца по оживленной, застроенной красивыми домами съ множествомъ роскошныхъ магазиновъ, улицѣ Montagne de la Cour, главной артеріи Брюсселя, туристъ попадаетъ въ Нижній городъ. Центромъ Нижняго города служитъ не менѣе оживленная, торговая улицы Маделены, Marché aux Herbes и бульваръ Анспахъ.

Здѣсь сосредоточены лучшіе магазины, пассажи, биржи, банки, театры, рестораны и кафе. Шумная толпа наполняетъ тротуары; трамваи, экипажи густымъ потокомъ несутся по улицамъ—все это напоминаетъ оживленіе парижскихъ улицъ и оправдываетъ приведенное выше сравненіе Брюсселя съ Парижемъ. Но стоитъ намъ углубиться отъ этихъ главныхъ артерій города въ одну изъ боковыхъ узенькихъ улочекъ, и мы попадаемъ въ объятія старины, красивой, колоритной, оригинальной и подчасъ нескромно-курьезной. Мы выходимъ на Большую площадь, на которой рядомъ находятся два удивительныхъ по красотѣ зданія: Ратуша и королевскій домъ (коммунальный музей и хлѣбный рынокъ) и дома корпорацій. Дивныя зданія съ фасадами, раззолоченными и точно сдѣланными изъ кружева, съ колоннами, окружающими галереи, съ стройными башенками по угламъ и главной башней посрединѣ,— Ратуша и королевскій домъ чаруютъ своей красотой, гармоніей линий и узорами прихотливаго рисунка. Тихо здѣсь въ предвечерніе часы на этой площади, гулко раздаются по каменнымъ плитамъ мостовой шаги, привѣтливо и важно смотрятъ на васъ величавыя зданія, воскрешая образы прошлаго; а это прошлое богато воспоминаніями: на этой площади устраивались пышныя и торжественныя процессіи, устраивались празднества и сестязанія пѣвцовъ, поэтовъ, музыкантовъ, стрѣлковъ изъ арбалетовъ, стekавшихся сюда изъ фламандскихъ городовъ, здѣсь народъ приносилъ присягу въ вѣрности королямъ; эти зданія были свидѣтелями кровавыхъ событій мрачной эпохи правленія герцога Альбы; съ балкона Ратуши онъ смотрѣлъ, когда вели на казнь борцовъ за свободу Нидерландовъ Эгмонта, Горна и другихъ вѣрныхъ сыновъ страдавшей подъ тяжкимъ испанскимъ



Ратуша въ Брюсселѣ.

игомъ родины. Съ этого же балкона нѣсколько лѣтъ спустя Вильгельмъ Оранскій провозгласилъ свободу и независимость Нидерландовъ. Все эти тяжкія времена, времена кровавыхъ событій, борьбы и безпощаднаго истребленія пережили эти зданія въ теченіе долгихъ вѣковъ многострадальной исторіи, уцѣлѣвъ для того, чтобы вновь на порогѣ XX столѣтія увидѣть вновь и льющуюся потоками кровь сыновъ своей родины и разрушеніе, творимое полчищами новаго Атиллы—Вильгельма II. Неподалеку отъ Большой площади на углу улицы d'Etuve находится курьезная достопримѣчательность Брюсселя—фонтанъ Маннэкенъ-писсъ, изображающій маленькаго купидона, выпускающаго воду натуральнымъ способомъ. Этотъ не совсѣмъ скромный памятникъ поставленъ герцогами брабантскими въ честь маленькаго сына герцога Готфрида Брабантскаго, сопровождавшаго своего отца въ сраженіи, присутствіе котораго воодушевило солдатъ и дало побѣду благодаря обычной дѣтской бѣдѣ, случившейся съ нимъ во время боя. Этотъ мальчикъ сдѣлался любимцемъ, его посѣщаль, напр., во время своего проѣзда Петръ Великій, ему Людовикъ XV пожаловалъ орденъ и шляпу, поэты воспѣвали его въ своихъ произведеніяхъ.

Къ числу курьезовъ нижняго города также слѣдуетъ отнести музей Виртца, находящійся въ новомъ кварталѣ близъ парка Леопольда. Его собраніе картинъ, принадлежащихъ кисти эксцентричнаго художника Виртца, отличается большимъ своеобразиемъ: тутъ много аллегорическихъ и символическихъ картинъ, часто весьма страннаго содержанія, но всегда блестящихъ искрами неподдѣльнаго таланта.

Здѣсь же рядомъ находится музей естественной исторіи, содержащій многочисленныя и интересныя коллекціи, а среди парка расположены три недавно основанныя научныя и образовательныя учрежденія: Физиологическій Институтъ, одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, соціологическій Институтъ, нѣчто въ родѣ университетскаго факультета, имѣющій цѣлью подготавливать образованныхъ дѣловыхъ людей, и коммерческое училище. Все эти три учрежденія основаны Эрнестомъ Сольвѣ, замѣчательнымъ ученымъ химикомъ, изобрѣтателемъ новаго способа фабрикаціи соды.

Брюссель для Бельгіи является не только административнымъ, культурнымъ, но и торговымъ центромъ; совсѣмъ недавно былъ законченъ оборудованіемъ портъ, который большимъ каналомъ соединенъ съ Рупелемъ, однимъ изъ рукавовъ нижняго теченія Шельды. Портъ построенъ на широкую ногу и стоилъ свыше 60.000.000 фр. Въ первый

годъ его существованія въ него заходило 200 пароходовъ и болѣе 11.000 баржей. Изъ этихъ цифръ можно видѣть, какую важную роль долженъ былъ сыграть этотъ портъ въ торговлѣ Бельгiи.

На востокъ отъ Брюсселя на небольшомъ разстоянiи по желѣзной дорогѣ находится городъ Лувенъ, подобно своимъ собратьямъ—Брюгге и Мехельну, игравшій видную роль въ среднiе вѣка. Въ началѣ XIV в. онъ былъ крупнымъ промышленнымъ и умышленнымъ центромъ Брабанта. Въ немъ находилось до 4.000 суконныхъ мастерскихъ, поставлявшихъ сукна не только на собственные, но и международные рынки. Тогда Лувенъ былъ богатый и многолюдный городъ, гордившійся своими богатствами. Построенная зодчимъ Матвѣемъ Ляйенсемъ знаменитая Лувенская ратуша, нынѣ разрушенная нѣмцами, должна была олицетворять богатство и славу Лувена.

Стройная, украшенная кружевомъ каменныхъ украшенiй, колоннъ и другихъ скульптурныхъ деталей съ высокой, гордо вознесшейся вверхъ, легкой и ажурной башней, она производитъ впечатлѣнiе необыкновеннаго изящества. По мысли ея строителя она должна была изображать ларецъ для храненiя драгоценностей. Такимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ и драгоценностью она стала сама, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ. Другой достопримѣчательностью Лувена является его старинный университетъ, основанный въ 1424 г.,—въ свое время онъ былъ главнымъ разсадникомъ науки. Особенно высоко было поставлено преподаванiе медицины, и лучшiе медики своего времени были питомцами Лувенскаго университета. Въ немъ хранилась громаднѣйшая и цѣннѣйшая библиотека. Само зданiе университета носитъ строгiй и нѣсколько угрюмый характеръ въ соотвѣтствiи съ духомъ того времени. Большiя залы со

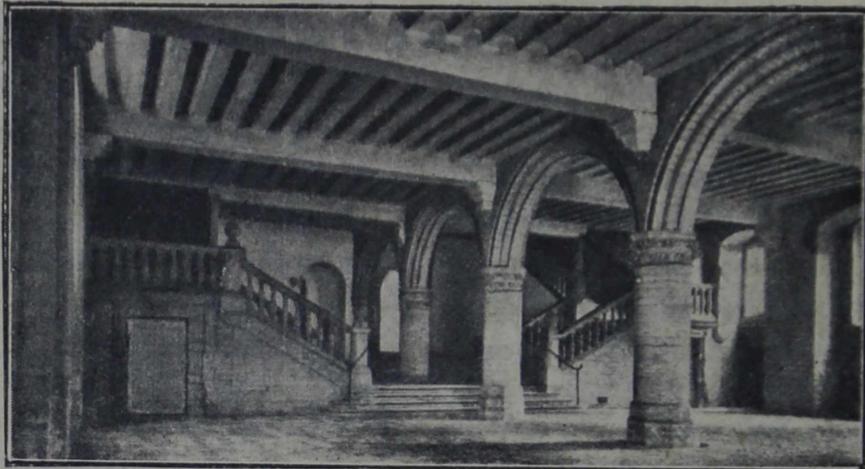


Ратуша въ Лувенѣ.

основанiи, и лучшiе медики своего времени были питомцами Лувенскаго университета. Въ немъ хранилась громаднѣйшая и цѣннѣйшая библиотека. Само зданiе университета носитъ строгiй и нѣсколько угрюмый характеръ въ соотвѣтствiи съ духомъ того времени. Большiя залы со

сводами, массивныя колонны, узкія окна, дающія скупой свѣтъ—все это оставляетъ впечатлѣніе холодной, научной суровости. Университетъ и его библіотеку постигла та же участь, что и Лувенскую ратушу, да и весь городъ, повидимому, превращенъ тупой злобой германскихъ

Университетъ
въ Лувенѣ.



военачальниковъ въ грудѣ камней. Грустно сознавать, что на порогѣ XX вѣка возможно уничтоженіе такого рѣдчайшаго памятника, какимъ былъ Лувенъ съ его достопримѣчательностями.

Отъ Брюсселя до Антверпена всего полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ. Поѣздъ съ шумомъ подкатываетъ въ крытыя галлерей громаднаго антверпенскаго центральнаго вокзала, туристъ быстро выходитъ изъ вагона и вмѣстѣ съ толпой пассажировъ спускается по лѣстницѣ къ выходу.

Обозрѣніе Антверпена слѣдуетъ начинать съ порта, ибо ничто такъ не характеризуетъ болѣе полно жизнь этого замѣчательнаго города, какъ жизнь его порта. Портъ Антверпена—это его сердце, подобно тому, какъ самъ Антверпенъ—сердце Бельгіи. Первые впечатлѣнія, полученныя даже при поверхностномъ знакомствѣ съ портомъ, даютъ сразу наглядное и яркое представленіе о торговомъ могуществѣ Антверпена и о его важномъ значеніи въ міровомъ товарообмѣнѣ. Вишній видъ порта очень внушительнъ и производитъ глубокое и неотразимое впечатлѣніе: могучая судоходная Шельда, достигающая здѣсь ширины 400 сажень, медленно

катить къ морю свои мутныя воды. Поверхность ея бороздятъ большія и малыя суда, бѣгущія взадъ и впередъ; тутъ и пароходы, и катера, и моторныя лодки, и парусные боты. У входа въ портъ вдали видѣются громадныя трехмачтовики, большіе парусные торговые корабли, дѣлающіе рейсы черезъ океанъ. Всюду, куда ни взглянешь: лѣсъ мачтъ и пароходныхъ трубъ, торговые флаги всехъ странъ міра, басовые гудки и пронзительный свистъ сиренъ, лязгъ якорныхъ цѣпей, шумъ работающихъ лебедокъ, крики команды—все это создаетъ особую, полную своеобразной прелести и бодрого рабочаго оживленія, картину. Широкія набережныя порта, застроенныя громадными складами пароходныхъ обществъ: Сѣверно-нѣмецкаго ллойда, линіи восточная Африка, общества Красной Звѣзды и другихъ, протянулись на 6000 метровъ. Антверпенскій портъ былъ устроенъ въ 1624 г. Его постройка произведена по планамъ Рубенса, знаменитые скульпторы подъ руководствомъ Квеллина трудились надъ его отдѣлкой и создали дѣйствительно эффектную набережную. Широкіе променады устроены вдоль набережной на извѣстной высотѣ; туда ведутъ широкія лѣстницы, по которымъ можно подняться наверхъ и совершить безпрепятственно прогулку вдоль порта, любуясь и наблюдая его кипучую и шумную жизнь. Антверпенскій портъ второй на материкѣ послѣ Гамбурга. Его ввозъ и вывозъ превышаетъ 13,5 милл. тоннъ. Самые разнообразныя товары: кофе, каучукъ, слоновая кость, хлопокъ, рисъ, сахарный тростникъ, шерсть, алмазы и, наконецъ, тропическія птицы ввозятся въ Европу черезъ Антверпенъ; ввозъ тропическихъ птицъ составляетъ исключительную особенность Антверпена. Соответственно громадному количеству ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, портъ для работъ располагаетъ цѣлой арміей рабочихъ-грузчиковъ, число которыхъ достигаетъ 25.000 человекъ. Рабочіе-грузчики объединены въ корпорацію, которая составляетъ дожившій до нашего времени отъ среднихъ вѣковъ пережитокъ, и по средневѣковому эта корпорація называется «націей». Эта нація имѣетъ свой особый уставъ и среди ея членовъ поддерживается весьма суровая дисциплина.

Портъ Антверпена состоитъ изъ натурального порта вдоль рѣки, куда свободно входятъ океанскія, глубоко сидящія суда, и изъ внутренняго искусственнаго порта, раздѣленнаго на нѣсколько бассейновъ. Оба отдѣла оборудованы всемъ необходимымъ по послѣднему слову науки и техники: они располагаютъ громадными складами, рельсовыми путями и подъемными аппаратами—гидравлическими лебедками, обладающими

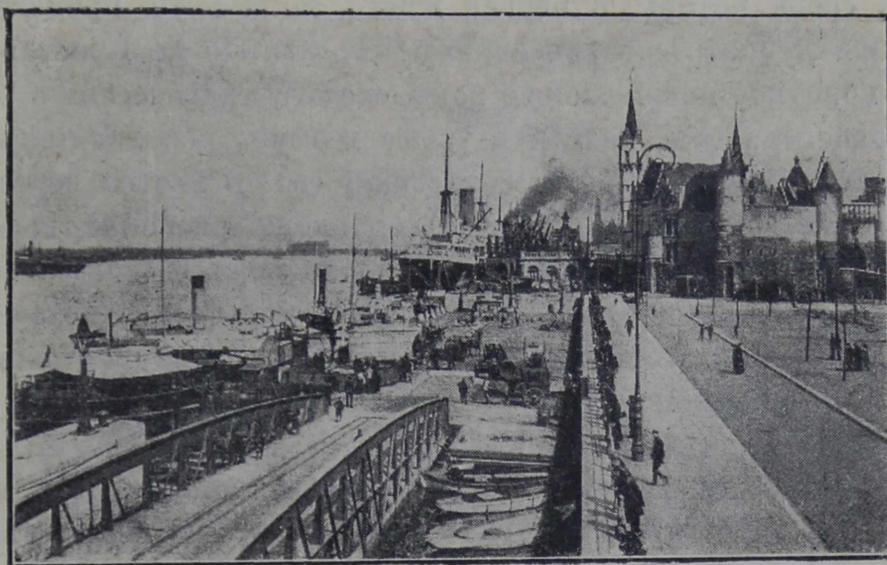
огромной подъемной силой до 120 тоннъ. Интересно наблюдать, когда такой подъемникъ поднимаетъ, точно гигантская рука, громадные грузы безъ всякаго труда на большую высоту. Но энергичные бельгийцы, не довольствуясь обширными размѣрами порта, спроектировали еще нѣсколько внутреннихъ бассейновъ и приступили къ ихъ сооруженію.

Большую красоту придаетъ набережной порта мрачная сѣрая громада замка Steen'a съ его башнями, узкими окнами-бойницами и тяжелыми воротами; онъ находится въ самомъ концѣ главной части набережной. Построенный еще въ XIII в., онъ испыталъ много превратностей судьбы: замокъ былъ дворцомъ правителей Антверпена, мрачной тюрьмой, хранящей тяжкія воспоминанія объ ужасахъ инквизиціи, пока, наконецъ, не былъ превращенъ въ музей, гдѣ собраны коллекціи оружія древнихъ и среднихъ вѣковъ, старинной мебели, утвари и другихъ предметовъ, характеризующихъ суровыя времена средневѣковья.

Ближайшія къ порту части города самыя старыя, сохранившія по вѣшности почти въ неприкосновенной чистотѣ средневѣковый характеръ. Они составляютъ какъ бы естественное продолженіе порта, живутъ общей съ нимъ жизнью, связаны съ нимъ общими интересами. Узкія, кривыя и мрачныя улицы, громадные темно-сѣрые дома съ красивыми средневѣковыми фасадами, лавочки, кафе, таверны и грязныя гостиницы, наполненныя разноплеменной, разноязычной и разноцвѣтной толпой матросовъ съ судовъ и портовыхъ рабочихъ, они всегда полны оживленія, но особеннаго подъема это оживленіе достигаетъ по вечерамъ и ночью, когда изъ раскрытыхъ дверей кабаковъ, кафе и подобныхъ имъ увеселительныхъ заведеній несется нестройный шумъ голосовъ, пѣнія, музыки, криковъ, а иногда и драки разгулявшихся посѣтителей.

Эта своеобразная жизнь выработала свои особыя законы и обычаи и свой оригинальный языкъ, смѣсь французскаго, англійскаго, нѣмецкаго съ большимъ дополненіемъ экзотическихъ словъ; эта отчаянная неразбериха, совершенно непонятная для непривычнаго человѣка, вполне оказывается доступной для пестрой, разноплеменной толпы матросовъ, такъ какъ вошла въ ихъ повседневный обиходъ; въ книжныхъ лавочкахъ вблизи порта имѣются даже въ продажѣ книжки, брошюры, пѣсенники на этомъ странномъ портовомъ жаргонѣ. Интересную достопримѣчательность этой части Антверпена составляетъ находящаяся вблизи порта церковь св. Павла, построенная въ 1533 году; темная и мрачная и снаружи и внутри, выдержанная въ строго-готическомъ стилѣ она производитъ

внушительное впечатлѣніе. Въ небольшомъ садикѣ ея, окруженномъ высокой каменной стѣной находится такъ называемая Кальварія: здѣсь насыпаны и сложены изъ песка и камней искусственные холмы, а на нихъ разставлены высѣченные изъ камня фигуры апостоловъ и Спасителя, изображая различные моменты шествія на Голгоѳу. Грубыя, каменные изображенія поражаютъ, однако, своей экспрессіей и такъ хорошо гармонируютъ съ общимъ характеромъ этой своеобразной церкви, характеризую намъ суровыя вѣрованія средневѣковья.



Набережная
и портъ въ
Антверпенѣ.

Отсюда, минуя узкіе и кривые переулки и улицы, туристъ выходитъ на Зеленую площадь, на которой стоитъ красивый памятникъ Рубенса, съ именемъ котораго такъ тѣсно связана слава Антверпена. Площадь засажена деревьями, которые даютъ тѣнь и прохладу, и служитъ въ утренніе часы цвѣточнымъ рынкомъ. Груды душистыхъ цвѣтовъ, пестряющихъ яркой окраской, нагромождены тогда на лоткахъ, а привѣтливыя цвѣточницы, среди которыхъ не мало красивыхъ лицъ чистаго фламандскаго типа, предлагаютъ вамъ купить красиво составленные букеты. Цвѣты привозятся сюда изъ окрестностей Антверпена на ручныхъ повозкахъ; такъ же, какъ и въ окрестностяхъ Гента, здѣсь имѣются многочисленныя садоводства и оранжереи, которые и поставляютъ этотъ товаръ, быстро раскупаемый любящими цвѣты бельгійцами. Въ глубинѣ Зеленой площади виднѣется задній фасадъ Каѳедральнаго Собора Notre

Dame d'Anvers. Величественное зданіе собора строилось въ теченіе двухъ вѣковъ подѣ руководствомъ лучшихъ зодчихъ; какъ, напр., Жанъ Такъ, Апшельманъ и Вагемакеръ. Внѣшній видъ собора и его внутреннее убранство очень внушительны. Соборъ выстроенъ въ готическомъ стилѣ и имѣетъ высокую и стройную одиночную башню—колокольню высотой въ 123 м., на которой находятся великолѣпные старые куранты, наигрывающіе на колоколахъ короткую мелодію каждые четверть часа, а въ полдень небольшую пьесу-молитву. Внутри соборъ богато украшенъ скульптурной отдѣлкой, статуями и картинами лучшихъ фламандскихъ мастеровъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ произведенія Рубенса и Ванъ-Дейка. Особенно поражаетъ «Снятіе съ Креста» Рубенса, громадное полотно, потрясающее какъ своимъ трагическимъ сюжетомъ, такъ и вдохновеннымъ, полнымъ ужаса и горя, исполненіемъ. Мягкій, полусвѣтъ разлитъ въ соборѣ: солнечный свѣтъ льется черезъ раскрашенные стекла высокихъ стрѣльчатыхъ оконъ разноцвѣтными лучами и нѣжные цвѣтные блики ложатся на стѣны, полъ и священные изображенія. Антверпенскій Соборъ такъ же, какъ и картинная галерея Антверпена, Le Musée des Beaux Arts, составляютъ двѣ сокровищницы искусства, которыми по справедливости гордится этотъ богатый своей разностороной жизнью бельгійскій городъ.

Музей изящныхъ искусствъ находится въ новой части города въ красивомъ, внушительныхъ размѣровъ, дворцѣ; его великолѣпный фасадъ, украшенный рядомъ стройныхъ колоннъ и двумя группами на выступахъ фронтона, поддерживаемаго четырьмя статуями напоминаетъ античный храмъ, и это поистинѣ, храмъ фламандскаго искусства. Антверпенъ—городъ Рубенса, здѣсь протекала большая часть дѣятельности этого замѣчательнаго художника, произведенія котораго представляютъ сплошной гимнъ красотѣ и силѣ внѣшней и внутренней, свѣту, солнцу и любви къ жизни. Рубенсъ создалъ фламандскую школу, которая смѣнила старую школу художниковъ, подчинявшихся итальянскому вліянію; отбросивъ ея манерность, онъ придалъ живописи индивидуальный характеръ, создалъ цѣлый рядъ новыхъ пріемовъ, положивъ въ основу благородный реализмъ и необычайную силу колорита. Рубенсъ былъ плодовитый и разнообразный художникъ; онъ писалъ картины на мифологическіе и религіозные сюжеты, историческіе, жанровые, пейзажи, портреты и аллегоріи и всюду вносилъ необыкновенное поэтическое увлеченіе и силу. Его послѣдователи Ванъ-Дейкъ, Жордансъ, Тенирсъ и др.

унаслѣдовали его приемы и продолжали дѣло Рубенса, обогативъ чело-
вѣчество многими вдохновенными произведеніями. Кто желаетъ озна-
комиться подробно съ самыми сильными и типичными произведеніями
этой школы, тотъ долженъ изучить ее здѣсь, въ Антверпенской галлерей,
ибо здѣсь собрано все лучшее, что было создано мастерами фламандской
школы. Антверпенъ—не только жизненный торговый центръ Бельгіи,
это крупный художественный центръ, способный соперничать съ другими
крупными художественными центрами Европы. И городъ цѣнилъ своихъ



Ратуша въ
Антверпенѣ и
фонтанъ
Брабо.

славныхъ художниковъ: онъ увѣковѣчилъ ихъ память цѣлымъ рядомъ
памятниковъ, поставленныхъ Рубенсу, Ванъ-Дейку, Мэтсею, Лейсу,
Жордасу, или назвавъ ихъ именами лучшія площади и улицы.

Недалеко отъ площади собора находится Большая Площадь, которая
какъ и въ другихъ городахъ Бельгіи была и есть центромъ города; здѣсь
высятся красивое зданіе ратуши, выстроенное въ стилѣ фламандскаго
Ренессанса; это величественное зданіе съ башней въ центрѣ должно оли-
цетворять силу и величіе этого богатаго города.

Передъ ратушей воздвигнутъ фонтанъ съ фантастическими фигу-
рами, воскрешающими легенду объ основаніи Антверпена: въ далекія
времена Шельда, какъ и теперь, служила важнымъ торговымъ путемъ;
у устья Шельды, гдѣ теперь стоитъ городъ, жилъ свирѣпый и могуще-
ственный великанъ Дрюонъ Антигонусъ, который бралъ тяжелую и

непосильную дань со всѣхъ, проѣзжавшихъ мимо него, а того, кто не желалъ подчиниться его волѣ, подвергалъ казни, отрубая правую руку и бросая ее въ Шельду. Долго терпѣли гнетъ ужаснаго великана, когда, наконецъ, молодой Брабо, сильный и смѣлый легендарный герой, напалъ на Антигонуса, побѣдилъ его, отрубилъ у него правую руку и бросилъ ее въ Шельду, а затѣмъ обезглавилъ его. Съ тѣхъ поръ устье Шельды стало свободно для прохода судовъ, а вскорѣ здѣсь построился и развился богатый и цвѣтущій городъ, который въ своемъ названіи сохранилъ благодарную память о подвигѣ отважнаго Брабо (название Антверпена, по-фламандски Antwerp происходитъ отъ словъ: Hand—рука, Werfen—бросать), а всю страну по Шельдѣ назвалъ Брабантомъ. Такъ рассказываетъ легенда, давшая тему для скульптора, воздвигшаго памятникъ. Статуя Брабо увѣнчиваетъ фонтанъ, изображая его въ тотъ моментъ, когда онъ бросаетъ отрубленную руку свирѣпаго великана. Въ дневные часы обильныя струи воды выбрасываются изъ пастей бронзовыхъ тюленей, лежащихъ у подножія монумента, наполняя воздухъ свѣжестью и прохладою.

Полюбовавшись вдоволь стройной ратушей и фонтаномъ, туристъ пересѣкаетъ нѣсколько короткихъ улочекъ, и выходитъ на площадь Marché du Vendredi, ибо здѣсь по пятницамъ бываетъ большой базаръ. Густая толпа заполняетъ въ дневные часы площадь, такъ какъ и въ другіе дни она является рынкомъ, на которомъ торгуютъ рыбой, зеленью, овощами и фруктами. Вооруженныя корзинками хозяйки и прислуги ходятъ между лотками и телѣжками, нагруженными провизіей; около телѣжекъ располагаются торговки и торговцы и въ тѣни телѣжекъ мирно дремлютъ собаки, привезшія изъ деревень эти товары. Въ толпѣ царитъ большое оживленіе: шумъ, говоръ, смѣхъ и шутки сыплются со всѣхъ сторонъ—сказывается прирожденная бельгійцамъ веселость, добродушіе и общительность. Въ одномъ углу площади происходитъ аукціонъ: различные старыя вещи, платье, мебель, посуда, и другая рухлядь продается съ аукціона, оцѣнщикъ громкимъ голосомъ возглашаетъ цѣну, покупатели торгуются между собой, набавляя цѣну, и наконецъ, данная вещь переходитъ въ руки послѣдняго, предложившаго наиболѣе высокую цѣну. Такіе аукціоны составляютъ необходимую принадлежность базаровъ во многихъ бельгійскихъ городахъ. Въ глубинѣ площади стоитъ старый домъ, сохранившій средневѣковую внѣшность. Это Музей-Типографія Плантена и Моретюса, единственный музей этого рода не только въ Европѣ

но и въ цѣломъ свѣтѣ. Въ средніе вѣка это была крупная типографія и книготорговля, владѣльцами которой была богатая и именитая фамилія антверпенской плутократіи—фамилія Плантеновъ-Моретюсовъ. Основателемъ типографіи и книготорговли былъ Христофоръ Плантенъ, родившійся въ 1520 г. въ г. Турѣ. Въ молодыхъ годахъ онъ переселился въ Антверпенъ и здѣсь открылъ сначала небольшую типографію, которая быстро разрослась въ крупное предпріятіе. Плантенъ былъ предпріимчивый и энергичный и въ то же время весьма просвѣщенный для своего времени купецъ, поставившій девизомъ своей жизни упорный трудъ и съ того времени «Трудолюбіе и Упорство» (*Labore et Constantia*) сдѣлалось фамильнымъ девизомъ, завѣщаннымъ всѣмъ поколѣніямъ и начертаннымъ на фамильномъ гербѣ Плантеновъ-Моретюсовъ. Его наслѣдники, въ особенности младшій сынъ Балтазаръ Моретюсъ, укрѣпили еще болѣе и расширили это дѣло. Моретюсъ (Первый, какъ дано было ему въ семьѣ прозванье), какъ и отецъ, былъ образованный человѣкъ, водившій знакомство съ лучшими людьми своего времени; его считалъ своимъ другомъ Рубенсъ, написавшій для семьи Моретюсовъ много портретовъ, украшающихъ жилыя комнаты, и цѣлый рядъ рисунковъ для книгъ, изданныхъ типографіей. Музей соединяетъ въ себѣ средневѣковую типографію, книготорговлю и частное жилище владѣльцовъ, помѣщающіяся въ одномъ обширномъ домѣ. Все въ этомъ оригинальномъ музеѣ производитъ такое впечатлѣніе, точно его владѣльцы, служащіе и рабочіе только что покинули его на время. Прекрасно сохранившаяся въ жилыхъ комнатахъ обстановка, тяжелая дубовая мебель, оригинальные камины, портреты, коллекціи фарфора и другія украшенія—все это даетъ чрезвычайное яркое представленіе о внутреннемъ убранствѣ жилища богатой семьи антверпенскихъ гражданъ среднихъ вѣковъ. Типографія знакомитъ насъ съ способами печатанія книгъ и машинами того времени, въ наборной и типографіи остались въ томъ же видѣ, какъ это было въ свое время, наборныя кассы, ручныя типографскіе станки и даже чувствуется легкій запахъ свинцовой пыли, въ словолитнѣ прекрасно сохранились всѣ инструменты, тигли для плавленія металла, куски металла, формы, тиски, жернова. Изъ типографіи вы ходите въ книжную лавку. Высокіе шкафы темнаго дуба наполнены книгами, на прилавкѣ лежатъ записная книга, счеты и ручной прессъ, все это такъ живо, что вы ожидаете, вотъ-вотъ выйдеть благообразный приказчикъ и спроситъ, какую книгу вы желаете получить. Типографія

и книготорговля Плантеговъ-Моретюсовъ въ свое время выпустила на книжный рынокъ огромное по тому времени количество книгъ, содѣйствуя высокому дѣлу распространенія просвѣщенія путемъ печатнаго слова. Въ верхнемъ этажѣ находится цѣлый рядъ комнатъ, расположенныхъ амфиладой, гдѣ въ витринахъ и шкафахъ выставлены всѣ изданныя здѣсь книги самаго разнообразнаго содержанія: тутъ и литературныя и научныя книги и гравюры. Онѣ изданы великолѣпно, украшены превосходными виньетками, рисунками, гравюрами и хромофотографіями, выполненными лучшими художниками своего времени: Рубенсомъ, Ванъ-Дейкомъ и другими учениками и послѣдователями великаго отца фламандской школы. Среди серіи географическихъ книгъ и путешествій, мое вниманіе *) обратила книга съ развернутой картой Россіи 1562 г. На заглавной страницѣ было написано заглавіе: «*Russiae, Moscoviae et Tatariae descriptio*» Auctore Antonio Jenkensono Anglo edita Londini 1562. На этой картѣ въ наглядныхъ изображеніяхъ были изображены естественныя богатства Московскаго Государства и Сибири, характерныя черты быта населенія въ различныхъ областяхъ и тому подобныя географическія данныя. Книга была издана въ Лондонѣ, но карта была исполнена въ антверпенской типографіи Плантена. Кромѣ того, отдѣльно имѣется еще богатая по содержанію и количеству книгъ фамиліная бібліотека.

Красивый четырехугольный внутренній дворъ, какъ и тогда, такъ и теперь служить садомъ. Средневѣковый внутренній фасадъ части дома, выходящей въ садъ со стѣнами, завитыми дикимъ виноградомъ, съ мелкимъ переплетомъ оконъ, осмотрѣнные памятники средневѣковой жизни и мелодичный, доносящійся съ колокольни антверпенскаго собора, звонъ курантовъ—все это какъ-то особенно настраиваетъ душу и будитъ воспоминанія и образы далекой эпохи и прошлаго столь славной жизни этихъ трудолюбивыхъ піонеровъ просвѣщенія.

Разставшись со старой частью города туристъ переходитъ въ новую, которая носитъ вполне современный характеръ: широкія улицы, красивые дома, огромные магазины съ зеркальными стеклами и витринами изысканныхъ товаровъ, просторныя площади, скверы, сады и парки съ памятниками, цвѣтниками и фонтанами и кипучее дѣловое оживленіе большого города мало чѣмъ отличаетъ Антверпенъ отъ другихъ боль-

*) Авторъ посѣтилъ лично Бельгію въ 1913 году лѣтомъ, т.-е. за годъ передъ войной.

шихъ европейскихъ центровъ. Точно также здѣсь днемъ кипитъ работа въ магазинахъ, банкахъ, конторахъ, на биржѣ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, точно также въ часы отдыха, т.-е. подѣ вечеръ, толпы отдыхающихъ горожанъ наполняютъ кафе, рестораны, бульвары и сады, гдѣ играетъ музыка, и эта жизнь мало имѣетъ общаго съ своеобразной и гораздо болѣе колоритной жизнью стараго города и порта, и только доносящійся сюда съ колоколенъ средневѣковыхъ церковей звонъ колоколовъ, звонящихъ къ Ave Maria, объединяетъ обѣ части города въ общемъ религіозномъ чувствѣ. Среди достопримѣчательностей новаго города надо на первое мѣсто поставить уже упоминавшійся Музей Изящныхъ Искусствъ, памятники различнымъ замѣчательнымъ людямъ, биржу и зоологическій садъ.

Биржа Антверпена древнѣйшая въ Европѣ; она была основана здѣсь послѣ того какъ центръ торговли въ средніе вѣка перемѣстился изъ Брюгге въ Антверпенъ. Она занимаетъ большое и очень красивое зданіе, построенное въ готическомъ стилѣ на мѣстѣ старой биржи. На ея стѣнахъ написаны географическія карты всего міра. Особенно красива ея верхняя галерея, окруженная 68 стройными колоннами. По размѣрамъ сдѣлокъ, заключаемыхъ здѣсь, эта биржа одна изъ крупнѣйшихъ въ Европѣ. Въ дѣловые часы она кишмя кишитъ коммерсантами и биржевиками и живетъ интенсивной жизнью, отражая всѣ колебанія и біенія никогда не прекращающагося пульса міровой торговли.

Интересно также въ новомъ городѣ посѣтить улицу Рубенса, недалеко отъ площади Меиръ. Здѣсь д. № 7 принадлежалъ великому художнику; въ немъ онъ и скончался 30-го мая 1640 года. Отъ стараго дома сохранился лишь портикъ въ саду. Мраморная доска съ соотвѣтствующей надписью указываетъ этотъ домъ, связанный съ именемъ великаго художника.

Зоологическій садъ находится вблизи центрального вокзала. Этотъ садъ одинъ изъ лучшихъ и можетъ смѣло соперничать съ Берлинскимъ, Кельнскимъ и др., уступая только знаменитому зоологическому парку К. Гагенбека въ Гамбургѣ.

Зоологическій садъ принадлежитъ Королевскому Зоологическому Обществу, основанному въ 1843 году. Приобрѣтенный тогда Обществомъ, онъ занималъ только одинъ гектаръ (меньше десятины), но въ настоящее время занимаетъ 10 гектаровъ. Его главный входъ украшенъ высѣченными изъ камня фигурами орла и лебедя, а башня главнаго зданія—

верблюдомъ съ всадникомъ. Войдя въ садъ, вы видите дорожки, разбѣгающіяся между газонами, группами деревьевъ, прудами и искусственно устроенными холмами и скалами. Въ большихъ и свѣтлыхъ навильонахъ, клѣткахъ и за изгородами находятся многочисленныя животныя. Всѣ они прекрасно содержатся, пользуются обильной пищей, заботливымъ уходомъ, всюду поддерживается образцовая чистота. 120 служителей ухаживаютъ за ними и ежегодно на кормъ тратится 150,000 франковъ. Но главное, чѣмъ по справедливости гордится антверпенскій зоологическій садъ—это гигантскій терраріумъ и акваріумъ, представляющій громадный научный интересъ. Они расположены въ красивомъ двухэтажномъ зданіи. Въ первомъ этажѣ помѣщается акваріумъ, во второмъ—терраріумъ. Основаніемъ зданія служитъ скала изъ сѣраго гранита, а на немъ возвышается украшенный колоннами второй этажъ, имѣющій видъ греческаго храма. Черезъ входъ, какъ бы прорубленный въ скалахъ вы входите въ акваріумъ. Въ вестибюлѣ находится громадный открытый бассейнъ съ золотыми рыбками, телескопами и вуалехвостами. Главный залъ акваріума поражаетъ своими размѣрами: онъ имѣетъ около 70 арш. длины и 14 арш. ширины. Пріятный свѣтъ струится сверху и черезъ окно въ концѣ. Въ стѣнахъ 26 огромныхъ оконъ 6×1,5 аршинъ вдѣланы бассейны и роскошныя причудливыя картины подводнаго царства красуются въ ихъ естественномъ богатствѣ и разнообразіи передъ очарованнымъ зрителемъ. Вы переходите отъ одного акваріума къ другому, любуясь прихотливыми, ярко окрашенными формами обитателей прѣсныхъ и морскихъ водъ. Вотъ передъ вами за стекломъ ползутъ крабы, медленно шевелитъ своими громадными усами гигантскій аршинный лангустъ, актиніи розовыя, голубыя, красныя, какъ роскошныя цвѣты распустили свои щупальца, а вотъ страшный темно-сѣрый осьминогъ распростерся на песокъ и медленно расправляетъ свои щупальца съ присосками; неслышными, легкими и изящными движеніями скользятъ рыбы, словомъ, вся подводная жизнь раскрыта здѣсь передъ вами. Рядомъ находится малый залъ и нѣсколько другихъ, гдѣ въ стеклянныхъ комнатныхъ акваріумахъ живутъ мелкія экзотическія рыбы.

Верхній этажъ занятъ терраріумомъ, и инсектаріемъ. Множество пресмыкающихся, отъ мелкихъ ящерицъ и змѣй до гигантскихъ черепахъ, крокодиловъ и удавовъ, живетъ здѣсь въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ. Для крокодиловъ устроено особое помѣщеніе, глубоко опущенное въ полъ, окруженное рѣшеткой. Среди воды сдѣлана площадка и они цѣ-

лыми группами лежатъ на ней и тупыми, злыми глазками свирѣпо смотрятъ на зрителей. Въ инсектаріяхъ содержатся разнообразныя и интересныя своими біологическими особенностями насѣкомыя. Тутъ и насѣкомыя, похожія на сухія палочки, и насѣкомое бродячій листъ, и громадныя экзотическія бабочки съ ярко окрашенными крыльями.

Есть также экзотическіе пауки, тарантулы и скорпіоны.

Трудно въ краткихъ словахъ передать все богатство и разнообразіе видовъ, находящихся въ здѣшнемъ зоологическомъ саду; одно можно сказать, что это учрежденіе имѣетъ глубокій интересъ не только для широкой публики, но и для людей науки, натуралистовъ, посвятившихъ себя изученію жизни животныхъ.

То, что было описано выше, въ настоящее время является ареной жестокой и безпощадной войны; маленькая, трудовая Бельгія, славная своей культурой и промышленностью, столкнулась въ неравной борьбѣ съ страшнымъ врагомъ, закованной въ желѣзо Германіей, полчища которой наводнили Бельгію и превратили ее въ груды развалинъ послѣ того, какъ было сломлено упорное, геройское сопротивленіе доблестныхъ бельгійскихъ войскъ, руководимыхъ славнымъ королемъ Альбертомъ, мужественно ставшимъ во главѣ ихъ въ этой жестокой борьбѣ на защиту свободы и независимости горячо любимой родины. Но борьба еще не кончена, и мы твердо убѣждены, что высшая правда восторжествуетъ, что гибельный для культуры всего міра германскій милитаризмъ будетъ стертъ съ лица земли, и снова изъ пепла и развалинъ возродится и процвѣтетъ свободная и независимая Бельгія, которая еще лишній разъ доказала свое неоспоримое право на самое почетное мѣсто въ ряду другихъ культурныхъ государствъ Европы, какъ одна изъ яркихъ представительницъ мирной культуры и труда.



56
АЛЬБЕРТЪ Король Бельгій.

В. Ю. Ульянинскій.

ЗАМѢТКИ ОБЪ ЭКСКУРСИОННЫХЪ ОСМОТРАХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ИСКУССТВА *).

Чувство безпомощной растерянности испытываешь невольно всякій разъ, когда впервыеходишь въ музей, картинную галерею, древлехранилище или когда осматриваешь памятникъ зодчества; сознаешь, какъ много интереснаго и привлекающаго вниманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сожалеешь, что нѣтъ времени подробно съ любовью разсмотрѣть весь этотъ почти безконечный рядъ созданій человѣческаго художественнаго генія.

Какъ хотѣлось бы, чтобы всѣ, входящіе въ музей, считали бы своею непосредственною задачею подходить къ каждой статуѣ, рельефу, вазѣ, картинѣ, гравюрѣ съ стремленіемъ понять ихъ, разгадать композицію, форму, линію, краски, а не ограничивались бы однимъ бѣглымъ осмотромъ.

Каждое произведеніе искусства заслуживаетъ вниманія, великое же произведеніе вдвойнѣ достойно особеннаго вниманія. Во-первыхъ, уже въ силу своего высокаго художественно-эстетическаго значенія, какъ памятникъ творчества великаго народа или великаго генія, а, во-вторыхъ, потому, что оно дѣйствительно не обманетъ зрителя, давъ ему все, что отъ него ожидаютъ: статуя, картина, памятникъ зодчества раскроютъ все, что таится въ нихъ, что вложено въ нихъ творческимъ духомъ создавшихъ.

*) Многія изъ помѣщаемыхъ въ данной статьѣ замѣтокъ я слышалъ въ бесѣдахъ съ профессоромъ Вл. К. Мальмбергомъ. Всѣ упоминаемыя здѣсь произведенія искусства, кромѣ одного (мужская статуя въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ), можно видѣть въ слѣпкахъ и копіяхъ въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ; Залъ, гдѣ находится тотъ или другой памятникъ искусства, и номеръ указаны въ соответствующихъ мѣстахъ.

Не надо только подходить съ готовымъ сужденіемъ, а тѣмъ болѣе искать въ памятникахъ искусства того, чего въ нихъ нѣтъ, прилагать къ нимъ излишнія толкованія. Надо ждать, чтобы памятникъ самъ заговорилъ.

Въ настоящее время въ значительной мѣрѣ, если не совсѣмъ, забыта одна замѣчательная книга второй половины XVIII ст. и забыта несправедливо. Это—«Исторія искусства древности» Иоганна Иоахима Винкельмана (1717—1768) *).

При имени Винкельмана невольно оживаетъ эпоха какого-то почти благоговѣйнаго преклоненія передъ античнымъ искусствомъ, и вспоминаются восторженныя, полныя поэзіи описанія Аполлона Бельведерскаго, Лаокоона, Бельведерскаго торса и другихъ антиковъ, своею нынѣшнюю славою и своимъ значеніемъ въ большой степени обязанныхъ именно Винкельману.

Съ другой стороны, вспоминаются эстетическіе взгляды Винкельмана, изложенные имъ въ той же «Исторіи искусства древности».

Если эти эстетическія сужденія, имѣвшія въ свое время громадное значеніе, представляютъ теперь для насъ интересъ лишь историческій, какъ одно изъ звеньевъ въ исторіи развитія эстетическихъ ученій; если и историческая часть труда Винкельмана, его выводы о ходѣ греческаго искусства въ настоящее время сильно поколеблены и измѣнены благодаря неизмѣримо увеличившимся съ тѣхъ поръ художественно-археологическимъ даннымъ, то тѣмъ не менѣе для всякаго, любящаго античное искусство и стремящагося ближе ознакомиться вообще съ антиками, книга Винкельмана остается желательнымъ и часто необходимымъ сочиненіемъ, помогающимъ понять тотъ или другой памятникъ античнаго искусства.

Болѣе того, этотъ трудъ поможетъ при обзорѣ произведеній искусства не только античнаго, ибо тотъ методъ разсмотрѣнія античныхъ памятниковъ, который даетъ Винкельманъ, вполне примѣнимъ и при обзорѣ произведеній искусства русскаго, эпохи Возрожденія, средневѣковаго искусства, вавилоно-ассирійскаго, египетскаго и др.

*) Сочиненіе это появилось въ 1764 г. Есть русскій переводъ (И. И. Винкельманъ. Исторія искусства древности. Съ приложеніемъ избранныхъ мелкихъ сочиненій и біографіей Винкельмана, сост. проф. Ю. Лессингомъ. Переводъ С. Шаровой подъ редакціей Г. Янчевецкаго. Ревель, 1890). (Переводъ не всегда точный).

Въ книгѣ Винкельмана, какъ перлы, тамъ и сямъ разсѣяны изумительно тонкія и на рѣдкость вдумчивыя замѣтки и наблюденія надъ той или другой античной статуей, и вотъ эти-то, какъ бы мимоходомъ оброненныя замѣтки и составляютъ то, что и до сихъ поръ не потеряло своей важности и значенія. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ Винкельмана. Въ Залѣ Лисиппа (Залъ XI) мы видимъ бронзовую статую юнаго Гермеса (оригиналъ хранится въ Неаполитанскомъ музеѣ), быстроногаго вѣстника боговъ (№ 20).

«Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя подошвы,
Амвросіальныя, всюду его надъ водой и надъ твердымъ
Лономъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія вѣтромъ»,

(Од. V, 44—46, пер. Жуковского)

быстро устремляется онъ исполнять порученія въ тучахъ гремящаго Зевса и другихъ боговъ.

Гермесъ представленъ присѣвшимъ на вершинѣ горы; подавшись впередъ верхнею частью корпуса и крѣпко опираясь правою рукою о камень, Гермесъ въ каждый мигъ можетъ сразу подняться; хотя его правая нога далеко выставлена впередъ, лѣвая въ то же время подобрана назадъ такъ, что, когда Гермесъ встанетъ, она будетъ служить ему уже готовою опорой. Какимъ путемъ очутился богъ такъ высоко? Онъ, конечно, прилетѣлъ, чему не противорѣчитъ отсутствіе крыльшекъ на его ногахъ, и именно его ремни, служащіе для прикрѣпленія крыльевъ, свидѣтельствуютъ за то, что божественный гонецъ могъ достигнуть горы только по воздуху. Винкельманъ первый указалъ, что данный Гермесъ могъ лишь летать: «превосходнѣйшая... сидящая статуя Меркурія, отставившаго лѣвую ногу и опирающагося на правую руку съ тѣломъ, склоненнымъ напередъ. На подошвахъ [ногъ] ремни, прикрѣпляющіе крылья, сплетены въ видѣ розы и показываютъ, что божество летаетъ и не ходитъ» *). Вотъ что читаемъ мы про Гермеса у Винкельмана.

Невозможно болѣе кратко и сжато, но въ то же время со всеобъемлющею полнотою и ясностью раскрыть сущность даннаго скульптурнаго произведенія. У Гермеса, какъ сказано, нѣтъ средствъ полета—крыльевъ,

*) Тамъ же, стр. 206. (Правильнѣе: застежкѣ ремней придана форма розетки).

но онъ все-таки можетъ только летать: розетка какъ разъ по срединѣ подошвы ярко доказываетъ, что ходить Гермесъ физически не могъ. Вся фигура Гермеса, слегка подавшаяся впередъ, положеніе ногъ, особенно лѣвой, говоритъ о минутномъ, временномъ покоѣ, уже таящемъ въ себѣ начало новой дѣятельности. Такой же кажущійся покой, заключающій въ себѣ готовыя пробудиться движеніе и стремительную энергію, мы видимъ въ статуѣ Моисея Микель-Анджело Буонаротти, 1475—1564 гг. [Залъ Микель-Анджело (Залъ XX), № 1 (оригиналъ находится въ Римѣ, въ храмѣ св. Петра in Vincoli)]. Гнѣвно сидитъ ветхозавѣтный законодатель-пророкъ, видящій, какъ внизу народъ его восторженно воздастъ поклоненіе золотому тельцу; еще мигъ, и Моисей, уже отставившій назадъ лѣвую ногу, встанетъ во весь свой ростъ, страшный и стихійно-величавый. Именно, положеніе лѣвой ноги Моисея, подобно Гермесу, наиболѣе выявляетъ и подчеркиваетъ этотъ кажущійся короткій покой: какъ-то самъ собою встаетъ передъ нашими глазами слѣдующій моментъ,—моментъ, когда временно сдерживаемое негодованіе найдетъ себѣ исходъ, и Моисей воспрянетъ.

Въ другомъ мѣстѣ у Винкельмана встрѣчается слѣдующее тонкое наблюденіе. Говоря о томъ, какъ легко распознаются на античныхъ фигурахъ шерстяныя одежды отъ полотняныхъ и другихъ болѣе легкихъ, Винкельманъ пишетъ: *) «Шерстяная ткань распознается по пышности своихъ складокъ и по тѣмъ изломамъ, которые образовались на матеріи при ея складываніи...» Древніе имѣли обыкновеніе складывать одежды и класть ихъ подъ прессъ, особенно послѣ мытья; а т. к. въ древнѣйшую эпоху Греціи одежды были бѣлаго цвѣта, то ихъ приходилось мыть часто. Прессы, о которыхъ упоминается у писателей, по веѣмъ ихъ признакамъ, назначались для того, чтобы сжимать одежды: сузу такъ особенно то по выпуклымъ, то по углубленнымъ полосамъ, отпечатлѣвающимся на матеріи и указывающимъ на ея изломы. Древніе ваятели часто обозначали эти изломы на своихъ работахъ...» Дѣйствительно, это наблюденіе Винкельмана надо назвать очень тонкимъ, и намъ предоставляется полная возможность провѣрить и убѣдиться на примѣрѣ въ правильности словъ Винкельмана.

*) Тамъ же, стр. 167 и 173.

Въ Залѣ Лисиппа (Залъ XI) на статуѣ такъ называемаго Мавсола (№ 11; оригиналъ въ Британскомъ музеѣ) передъ нами великолѣпный образецъ одежды съ явными слѣдами изломовъ.

Если мы внимательно взглядемся въ хитонъ Мавсола, то увидимъ двѣ углубленные узкія полосы, образовавшіяся на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ матерія была сложена.

Одна дорожка идетъ подъ колѣномъ лѣвой ноги вкось книзу къ правой, другая выше, почти параллельно первой, надъ лѣвымъ колѣномъ; интересно, что разстояніе (надъ лѣвой ногой, гдѣ хитонъ натянутъ) отъ нижняго края хитона до перваго излома и отъ него до второго—одинаково, и это еще разъ отчетливо доказываетъ, что хитонъ, прежде чѣмъ его надѣли, былъ аккуратно сложенъ въ сыромъ видѣ и подвергся давленію подъ прессомъ, отчего и остались явно видимые слѣды.

Другимъ примѣромъ, гдѣ мы видимъ такіе же изломы сложенной одежды, можетъ послужить мужская статуя въ Залѣ Б (памятники греческихъ поселеній на берегахъ Чернаго моря) Императора скаяго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ. Статуя (оригиналъ найденъ въ Керчи и хранится въ Петроградѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ) относится къ римской эпохѣ; представленъ мужчина въ хитонѣ и плащѣ, на которомъ ясно замѣтны три одинъ надъ другимъ излома, причемъ крайне характерно, что складки обращены наружу выпуклостями. Одна складка тянется подъ колѣнями, другая пересѣкаетъ бѣдра, а третья проходитъ поперекъ живота.

Разберемъ теперь рядъ статуарныхъ и рельефныхъ изображеній, на которыхъ намъ дается возможность прослѣдить, какъ греческая пластика трактовала одно изъ самыхъ трудныхъ достиженій, именно правильную передачу поворота верхней части туловища, особенно же вѣрное воспроизведеніе положенія живота при этомъ поворотѣ. Остановимся на слѣдующихъ изваяніяхъ:

1) Раненый воинъ изъ лѣваго угла восточнаго фронтона Эгинскаго храма [Залъ Эгинетовъ (Залъ IV), № 2]; 2) ДискOVERжецъ [по Мірону, Залъ Олимпіи (Залъ VI), № 4а (голова приставлена невѣрно и не античнаго происхожденія) и № 4б (ближе передаетъ оригиналъ)]; 3) такъ называемый Кефисъ съ западнаго фронтона Парѣнона [Залъ Фидія. Парѣнонъ (Залъ VII), № 2, д]; 4) конный юноша съ

западнаго фриза Паронона (тамъ же, № 4) и 5) надгробный памятникъ Дексилея [Залъ конца V вѣка (Залъ VIII), № 6]. Въ Эгинской статуѣ (оригиналъ въ Мюнхенской глиптотекѣ) насъ поражаетъ тщательная, мастерская отдѣлка мускулистаго нагого тѣла раненаго грека (?) со шлемомъ и щитомъ; на первый взглядъ статуя эта кажется безукоризненнымъ произведеніемъ греческаго искусства первой четверти V ст. до Р. Хр.. И только, вглядываясь въ позу раненаго, въ отношеніе нижней части корпуса къ верхней, мы замѣчаемъ, что животъ не участвуетъ въ поворотѣ верхней части туловища, а раздѣляетъ, такъ сказать, фронтальное положеніе, занятое ногами. При той позѣ, въ какой изображенъ раненый, и при поворотѣ верхней части туловища животъ естественно долженъ быть повернуть и сдвинуть въ ту же сторону, какъ и грудная клѣтка, а не оставаться неподвижнымъ. У Мирона, умѣвшаго передавать человѣческую фигуру въ моментъ быстрого напряженія всѣхъ силъ, при правильномъ воспроизведеніи всѣхъ частей человѣческаго тѣла, все еще нѣтъ органически вѣрнаго соединенія верхней части корпуса съ нижнею при поворотѣ тѣла. Его ДискOVERжець (лучшая копія изъ Капель Порціано находится въ Национальномъ музеѣ въ Римѣ) представленъ стремительно повернувшимъ верхнюю часть туловища вправо, но мы видимъ, что животъ тѣмъ не менѣе и здѣсь не присоединяется къ повороту грудной клѣтки, а остается безучастнымъ въ работѣ верхней половины корпуса.

Такое же мѣсто въ лѣвомъ углу фронтона, какое занимаетъ вышеописанный раненый воинъ эгинскаго храма, отведено было такъ называемому Кефису съ западнаго фронтона Паронона. Эта статуя (оригиналъ въ Британскомъ музеѣ) по праву считается наиболее художественнымъ и однимъ изъ лучшихъ произведеній не только среди всѣхъ парононскихъ скульптуръ, но однимъ изъ геніальнѣйшихъ твореній греческой пластики. Передъ нами обнаженная мужская фигура въ моментъ спокойнаго полулежанія, когда мускулы отдыхаютъ и слегка свѣшиваются, великолѣпно обрисовывая строеніе костяка, что наиболее видно на правой ногѣ. Впервые въ этой статуѣ греческая пластика разрѣшила анатомически правильное соотношеніе верхней и нижней части тѣла при его поворотѣ: мы видимъ, что животъ Кефиса не только сдвинуть въ сторону, какъ это естественно должно быть у человѣка въ позѣ Кефиса, но слѣдуетъ повороту грудной клѣтки. На одномъ памятникѣ, относящемся къ началу уже IV ст., но, безъ сомнѣнія, находящемся

подъ непосредственнымъ вліяніемъ художественныхъ вкусовъ эпохи Фидіа, мы можемъ наблюдать, какъ искусство этой эпохи, обладавшее всеми средствами безукоризненной передачи человѣческаго тѣла, тѣмъ не менѣе какъ бы возвращается къ приемамъ эпохи зрѣлой архаики. Этотъ памятникъ (оригиналъ въ Афинахъ)—надгробіе нѣкоего Дексилея, погибшаго въ Коринѣскую войну (394 г. до Р. Хр.). Дексилей изображенъ на конѣ поражающимъ своимъ копьемъ сбитаго съ ногъ врага; весь рельефъ производитъ живописное впечатлѣніе и привлекаетъ удачнымъ заполненіемъ отведеннаго пространства; не сразу обращаешь вниманіе, что у Дексилея туловище отъ пояса книзу показано въ профиль, а плечи—en face, т.-е. здѣсь передъ нами такая же анатомическая неправильность сочетанія верхней и нижней половины туловища, каковую мы уже видѣли на статуѣ раненаго съ восточнаго фронтона храма на о. Эгинъ и у Дисковержца Мірона.

Если въ двухъ послѣднихъ изваяніяхъ эта неправильность передачи сочетанія верхней и нижней части корпуса находитъ себѣ вполне понятное объясненіе въ еще недостаточной художественной свободѣ и въ невозможности для той эпохи давать совершенно безукоризненное и безупречное произведеніе, то надгробный памятникъ Дексилея, изваянный послѣ пареонскаго фриза, говоритъ о живучести архаики или, что будетъ правильнѣе, о маломъ умѣнии скульптора справляться съ анатомическими тонкостями; но нельзя отрицать у фигуры Дексилея извѣстной монументальности и выразительной наглядности, чего скульпторъ надгробія достигъ изображеніемъ плечъ Дексилея въ развернутомъ видѣ. Такая запоздавшая архаика возможна въ скульптурномъ произведеніи, носящемъ погребальный характеръ. Что невѣрное сочетаніе поворота корпуса Дексилея надо считать художественною погрѣшностью со стороны скульптора, доказываетъ намъ другое рельефное произведеніе тоже всадника въ такой же почти позѣ: это—юный всадникъ съ западнаго фриза Пареона (оригиналъ въ Британскомъ музеѣ). То обстоятельство, что пареонскій всадникъ показанъ влѣво и обнаженнымъ, а не вправо и въ одеждѣ, какъ Дексилей, не можетъ, конечно, опровергнуть факта безукоризннаго изображенія сложныхъ поворотовъ человѣческаго тѣла въ греческомъ искусствѣ второй половины V ст. и явленія ненамѣренной, хотя, до нѣкоторой степени, и объяснимой неудачной передачи такого же поворота въ греческой пластикѣ болѣе поздней эпохи съ ея болѣе большими художественными достиженіями.

Два слѣдующихъ рельефныхъ изображенія покажутъ намъ, что болѣе естественная передача округленности и глубины достигается лучше иногда въ болѣе плоскомъ, чѣмъ въ высокомъ рельефѣ, конечно, принимая во вниманіе степень одаренности творцовъ обоихъ произведеній.

Въ Залѣ Фидія. Пароенонъ (Залъ VII) типичны въ этомъ отношеніи фризы Пароенона и обломки плиты (въ Ватиканѣ) съ изображеніемъ всадника (надъ моделью Пароенока).

Рельефъ этой плиты высокій, все контуры проведены рѣзко и отчетливо, и изображеніе получается опредѣленное и ясное во всехъ своихъ частяхъ. Однако, несмотря на эту высоту рельефа, не чувствуется глубины: напр., видимое правое плечо ясно воспринимается, какъ короткое, но особенно отсутствіе округленности сказывается въ передачѣ ноги. При всей очерченности ноги получается впечатлѣніе, словно дана лишь передняя половина ноги, и наше воображеніе никакъ не можетъ представить себѣ и дополнить вторую невидимую половину: въ трактовкѣ контуровъ ноги нѣтъ подрѣзовъ, а потому нѣтъ и тѣни, дающей иллюзію продолженія округлости задней части ноги.

Переходя къ всадникамъ пароенонскаго фриза, мы замѣчаемъ, что, при очень плоскомъ рельефѣ, впечатлѣніе округленности ногъ всадниковъ, иллюзія глубины даны вполне опредѣленно и выразительно,—это достигнуто тѣнью, получающейся благодаря именно подрѣзамъ.

Если греческая пластика привлекаетъ своею красотою, то не менѣе достойны удивленія правдивость и естественность античныхъ изваяній. На нѣкоторыхъ примѣрахъ прослѣдимъ эту вѣрность античныхъ произведеній природѣ и возьмемъ нѣсколько статуарныхъ и рельефныхъ изображеній одѣтыхъ Никъ, а затѣмъ посмотримъ, какъ понимало мотивъ прикрѣпленія и изображенія крыльевъ искусство эпохи Средне-вѣковья и Возрожденія.

В. Дагелайскій *)), рассмотрѣвъ рядъ античныхъ крылатыхъ фигуръ, устанавливаетъ, какъ первый фактъ, то, «что въ античномъ искусствѣ у крылатыхъ фигуръ мѣсто прикрѣпленія крыльевъ въ различныя эпохи выбиралось различно, при чемъ развитіе этого вопроса идетъ такъ, что побуждаетъ передвигать крылья спереди все болѣе назадъ. Мы устанавливаемъ три типа придѣлыванія крыльевъ, которые распро-

*) В. Дагелайскій. Крылатыя фигуры въ античномъ искусствѣ. С.-Петербургъ. 1894 г., стр. 22, 23, 11, 15, 17, 20.

страняются на все вообще крылатыя фигуры. По первому типу крылья сливаются съ верхнею оконечностью, а преимущественно съ плечевою частью руки. Этотъ типъ больше всего соотвѣтствуетъ научно-правильному представленію и находитъ подтвержденіе въ сравнительной анатоміи и исторіи развитія. Второй типъ требуетъ прикрѣпленія крыльевъ на плечахъ. Свое основаніе этотъ типъ видитъ въ мотивахъ эстетическаго свойства; тѣмъ не менѣе, онъ еще довольно близокъ къ реальной правдѣ. Третій типъ идетъ дальше и отодвигаетъ крылья на спину. Объясняется это чувствомъ бѣльшей свободы художника и недостаточнымъ преслѣдованіемъ цѣлей физической красоты. Психологическіе моменты выступаютъ на первый планъ, красота падаетъ. Переходъ отъ одного типа къ другому, т.-е. нѣчто среднее между двумя послѣдовательными типами также замѣчается. Сопоставляя типы со временемъ ихъ возникновенія, мы можемъ вывести второй, болѣе важный фактъ, а именно: первый типъ наблюдается исключительно въ архаическомъ періодѣ приблизительно до первой половины пятаго вѣка включительно. Второй типъ—отъ середины пятаго вѣка до начала четвертаго. Затѣмъ постепенно переходятъ къ третьему типу, который держится отъ четвертаго вѣка вплоть до позднѣйшихъ временъ греко-римскаго искусства... Изъ указанныхъ трехъ крупныхъ эпохъ—вторая, т.-е. время Фидія, разрѣшаетъ вопросъ о крыльяхъ самымъ счастливымъ образомъ: заботясь о красотѣ и эстетическомъ впечатлѣніи, эта эпоха одновременно старается оставаться, по мѣрѣ возможности, близкою къ реальной правдѣ».

В. Дагелайскій среди другихъ крылатыхъ фигуръ, какъ образецъ перваго типа, приводитъ рельефъ съ изображеніемъ гарпіи съ такъ называемаго памятника съ гарпіями; въ качествѣ примѣра второго типа—Никку Пэоніи и, какъ доказательство вѣрности третьяго типа, упоминаетъ Никку съ о. Самоэракии и маленькую бронзовую Никку изъ Помпей.

Въ своемъ этюдѣ В. Дагелайскій ни разу не говоритъ, что въ своихъ лучшихъ крылатыхъ фигурахъ античная пластика всегда давала сразу понять, что крылья являются органическою, неотъемлемою частью изображаемой фигуры: мы видимъ, что крылья сливаются своими основаніями съ обнаженнымъ тѣломъ.

Касаясь только одѣтыхъ крылатыхъ фигуръ, мы не остановимся на такъ называемомъ памятникѣ съ гарпіями [см. слѣпокъ въ Залѣ V (Греческій Дворикъ)]; оригиналъ въ Британскомъ музеѣ], а перейдемъ

къ Никѣ Пеонія [Залъ Олимпіи (Залъ VI), № 3; оригиналъ въ Олимпіи]. Особенно на ея лѣвомъ обнаженномъ плечѣ чувствуется это единство крыла съ тѣломъ. Такой же характеръ естественности окрыленія показываетъ намъ такъ называемая Прида съ западнаго фронтона Пареенона. [Залъ Фидія. Пареенонъ (Залъ VII), № 2; оригиналъ въ Британскомъ музеѣ]; эту статую хорошо можно видѣть со спины, и здѣсь представляется случай изучить не только мѣсто прикрѣпленія крыльевъ, но и самый способъ.

Другими примѣрами правдивости античнаго искусства въ передачѣ сліянія крыльевъ именно съ тѣломъ, а не съ одеждою, являются: самоэракійская Ника [Пергамскій Залъ (Залъ XIV), № 12; оригиналъ въ Луврѣ]; Ника на плитѣ большого Пергамскаго алтаря (въ томъ же Залѣ, № 1; оригиналъ въ Берлинѣ); маленькая бронзовая Викторія [Римскій Залъ (Залъ XV), около лѣвой стѣны; оригиналъ въ Неаполѣ]. Въ христіанскомъ искусствѣ, въ силу предубаженій и традицій, крылатыя фигуры,—ангелы, изображаются почти исключительно одѣтыми, и органичность крыльевъ, правдивость въ ихъ характеристикѣ пропадаетъ: мы замѣчаемъ, что крылья какъ бы прикрѣпляются къ одеждѣ или, въ лучшемъ случаѣ, словно проходятъ черезъ ея разрѣзъ у основанія крыльевъ.

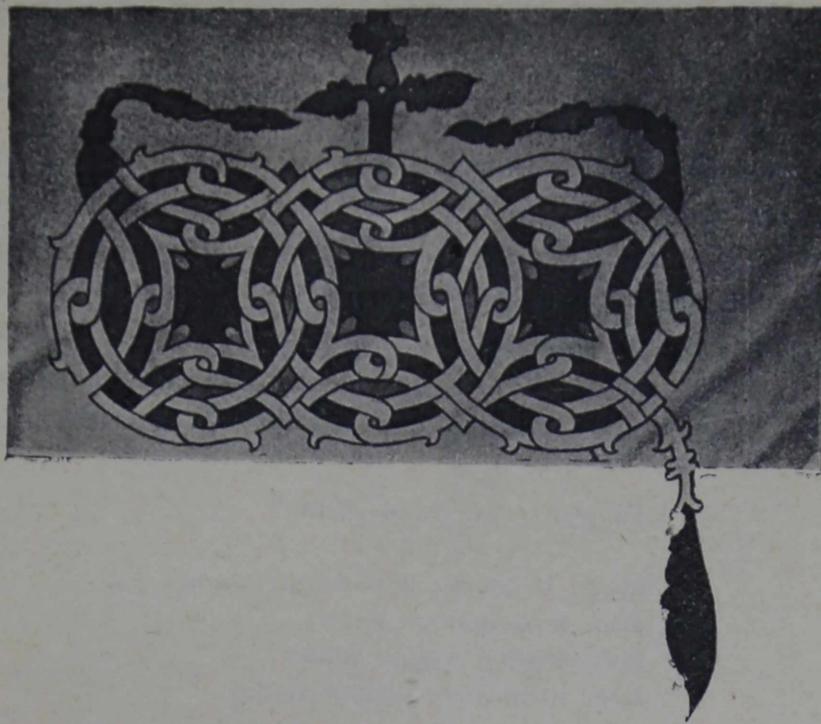
Изъ примѣровъ изображеній искусства христіанскаго приведемъ, напр., слѣдующіе: 1) ангелы на мозаикѣ изъ собора св. Марка въ Венеціи [Залъ искусства древне-христіанскаго и Среднихъ вѣковъ (Залъ XVI), № 7]; 2) ангелы съ южнаго портала собора въ Амьенѣ (въ томъ же Залѣ, № 14); 3) ангелъ въ «Благовѣщеніи» Андреа делла Роббиа [1435—1525 (оригиналъ въ монастырѣ Ла-Верна близъ Флоренціи); Залъ (Залъ XVIII) Италіанскаго Возрожденія (кваттроченто), № 10]; 4) ангелы съ гробницы кардинала Португальскаго, работы Антонио Росселлино, 1427—1478 гг., [(оригиналъ въ храмѣ С.-Миньято во Флоренціи) въ томъ же залѣ, № 9]; 5) ангелъ въ «Благовѣщеніи» Фра Джованни Анджелико да Фіезоле [1387—1455 (оригиналъ въ монастырѣ св. Марка во Флоренціи), см. въ Дворикѣ Христіанскаго искусства (Залъ XXI), на площадкѣ]. Закончимъ эти замѣтки еще однимъ наблюденіемъ. Въ Залѣ XXI передъ нами двѣ конныя статуи: одна (№ 4; оригиналъ—въ Падуѣ), работы Донато ди Никколо ди Бетто Барди (Донателло, 1386—1466), изображаетъ кондотьера Эразмо ди Нарни (Гаттамелата), другая

(№ 5; оригиналъ въ Венеціи), работы Андреа ди Микеле ди Франческо Чіоне (Андреа дель Верроккіо, 1436—1488), представляетъ кондотьера Бартоломмео Коллеоне (монументъ былъ отлитъ уже послѣ Верроккіо).

Если взглянуть въ эти два монумента, то, при всемъ несходствѣ трактовки ихъ, мы увидимъ, что есть что-то общее въ постановкѣ коней: ясно, что кони кондотьеровъ—иноходцы, т.-е. они выбрасываютъ сразу правыя или лѣвыя ноги; въ движеніи боевого коня Коллеоне ясно чувствуется, что онъ не выступаетъ легко, какъ верховая лошадь, а словно что-то тянетъ, тащитъ за собою, тяжесть, везетъ.

Итакъ, будемъ подходить къ памятникамъ искусства съ благимъ намѣреніемъ терпѣливо ждать отъ нихъ отвѣтовъ на обращаемые къ нимъ вопросы, и мы убѣдимся, что статуи, картины расскажутъ все, что мы хотимъ узнать отъ нихъ, и мы не отойдемъ съ горькимъ сознаніемъ напрасно потраченного времени.

Н. Щ е р б а к о в ъ.



ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

отъ древности до нашихъ дней.

(Историческій очеркъ).

И оторженные дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забудь,
Снова, какъ во время оно,
Успокоится придуть
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

А. Хомяковъ.

Королевство Галиція и Лодомерія съ герцогствомъ Краковскимъ—такъ называлась до послѣднихъ дней одна изъ коронныхъ земель Австрійской имперіи. Страна эта, столь далекая отъ насъ до сей поры, столь мало знакомая русскому обществу, въ настоящій моментъ стала особенно близка и особенно занимаетъ русскую мысль. Названія ея городовъ и селеній, дорогъ и горныхъ проходовъ заставляютъ биться русское сердце, ибо связаны съ пребываніемъ и съ мѣстами славныхъ боевъ русской

побѣдоносной арміи. Но Галиція, привлекающая сейчасъ вниманіе русскихъ людей, должна быть дорога и потому, что она плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа. Связанная съ исторіей Россіи съ первыхъ вѣковъ исторической жизни, перенесшая долгое иго, выдержавшая стойко борьбу за вѣру и народность—Галиція и въ XX вѣкѣ была лишь Русью подъяремной, не составляя одного цѣлаго съ великимъ русскимъ народомъ, съ Русью Державной. И лишь въ послѣдніе дни слова Хомякова:

Галичь, гдѣ твои сыны?

.....

Мечъ и лезвѣ, обманъ и пламя

Ихъ похитили у насъ,

Ихъ ведетъ чужое знамя,

Ими править чуждый гласъ,

Богъ дастъ, навѣки потеряютъ горечь современности.

Территорія, занимаемая въ настоящее время королевствомъ Галиціи и герц. Краковскимъ, не вполне соответствуетъ территоріи древней Галичины, но и нынѣ, какъ и прежде, Галиція (Лодомерія—искаженное названіе Владимирская земля), занимаетъ сѣверо-западные и сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ, которые постепенно понижаются и находятся на западѣ въ системѣ р. Вислы, а на востокѣ р. Днѣстра и отчасти Днѣпра. Склоны Западныхъ Бескидовъ и Татръ занимаютъ теперь поляки, а Восточные Бескиды и Лѣсистые Карпаты—область русскаго племени.

Русское населеніе юго-западнаго конца упирается въ исполинскіе гранитные утесы Татровъ; на ихъ живописныхъ и сурово романтическихъ долинахъ по быстрому Пепраду тянутся русскія селенія. Хребетъ Восточныхъ Бескидовъ не имѣетъ вида альпійской горной страны, а похожъ на волнистую возвышенность, гдѣ лѣсистыя вершины перемежаются съ широкими долинами. Сѣверная покатость представляетъ нѣсколько параллельныхъ уступовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ниже спускаются въ низменность между рр. Вислокой, Саномъ, Днѣстромъ и Стыремъ. Вершины горъ поросли сплошнымъ лѣсомъ, въ болѣе пологихъ мѣстахъ—пастбища, поля, въ долинахъ—луга. Лѣсистые Карпаты представляются сплошной массой густого краснолѣся, между которымъ торчатъ одинокія скалистыя вершины, мѣстами свѣтятся среди лѣсовъ горныя пастбища (полонины). По надрѣчнымъ поперечнымъ долинамъ поселился



МАПА
Галицького воєводства
Київської губернії
 или
Косточинна
Галиція
 нинішнього району.

- ⊙ Горами рівнин.
- ⊙ Горами гір.
- ⊙ річка.
- село.
- ⚡ повітряні лінії.

народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ многолюдныхъ селеніяхъ. Разнообразіе природы способствовало этнографическому разнообразію. Населеніе Галиціи въ настоящее время по своимъ занятіямъ, по характеру, по бытовому укладу дѣлится на слѣдующія группы: подоляне и ополяне, горяне и верховинцы, полѣщуки, гуцулы, бойки, лемки, жители Марамороша, Покутья, Коломьи. Населеніе любитъ свой край, свой бытъ и умѣетъ воспѣть красоту того и другого:

Урадуется весь міръ на земли, горы, долины та й полонины...
Ой, славная Коломья, ще славнѣйшы Горы!
Ой, славная Коломья, що межи Горами,
Ой славнѣйша дѣвчионка съ черными бровами!...
Гей плыну я по Дунаю, и таки си думаю:
Нема кращихъ снѣваночекъ, якъ у нашемъ краю.....,

но не забываетъ при этомъ прибавить:

Ой нема, де, въ Горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по Нѣмцєви заваджати буде...

Въ отвѣтъ на это сѣтованіе Галичины о своей долѣ великій писатель Руси Державной отвѣтилъ давно уже: «слышу», и описавъ красоту Карпатскихъ горъ, нарисовалъ затѣмъ такую картину: «За Кієвомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ видимо стало во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горой подымавшійся изъ моря, и болотистый Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская. «А что это такое?» допрашивалъ собравшійся народъ бывалыхъ людей. «То Карпатскія горы», говорили старые люди» ...

I.

ГАЛИЦКО-ВЛАДИМИРСКОЕ КНЯЖЕСТВО-КОРОЛЕВСТВО.

Въ древности граница русской народности на западѣ проходила по «линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню»,

въ окрестностяхъ Кракова остановилась на Вислѣ, а далѣе отъ устья Сана переходила и за этотъ рубежъ, какъ напр. у Сандомира и Опатова. Люблинское плоскогорье долго было пустыней и только Люблинъ былъ камнемъ раздора для польскихъ и русскихъ князей. Далѣе граница шла между Вислой, Вепремъ и Бугомъ и у Визны сходились владѣнія русскія, польскія и литовскія. Къ сѣверо же востоку открывались громадныя пространства для широкаго расселенія. Но въ очерченныхъ предѣлахъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить юго-восточные склоны Карпатъ (Угорская Русь), русская народность никогда не была вполне объединена. И если впоследствии «русское племя отступило нѣсколько къ востоку, то только лишь подъ вліяніемъ вѣкового напора, какой представляетъ исторія». Галицкое княжество и явилось самымъ западнымъ русскимъ княжествомъ, ему приходилось сосѣдствовать съ Угріей и Польшей. Границей на западѣ были уже р. Вислокъ и Карпатскій хребетъ, къ югу рѣдкія поселенія по Серету, Пруту, Днѣстру доходили до берега Чернаго моря, а на востокѣ Галиція соприкасалась съ Волынью, съ которой впоследствии и объединилась въ одно Галицко-Владимирское княжество. На картѣ XI—XIII вѣковъ въ предѣлахъ Галиціи видимъ цѣлый рядъ городовъ. Ядро Галиціи—Червенскіе города: Червень, Бельзъ, Холмъ, Берестье; по р. Сану: Санокъ, Перемышль, Ярославъ, далѣе Любачевъ, Городокъ, Львовъ, Звенигородъ, Вишню, по р. Днѣстру: Галичъ, Онуть, Ушицу, Бакоту, Каменецъ, по р. Пруту: Коломью, наконецъ Микулинъ, Теробовль и далекую Берладь.

Если разсказъ объ исторической жизни народа надо начинать, согласно словамъ извѣстнаго историка, съ самаго ранняго воспоминанія народа о самомъ себѣ, то начало русской исторіи приведетъ насъ въ Карпатскій край, къ воспоминаніямъ отъ VII вѣка по Р. Х.

Карпаты—общеславянское гнѣздо и здѣсь была промежуточная стоянка восточныхъ—русскихъ славянъ по дорогѣ съ Дуная на Днѣпръ. И вотъ отъ VII вѣка до времени лѣтописца XI вѣка сохранилось слѣдующее народное преданіе. «Обри (авары, племя тюркское) воеваща на Словени и примучища Дулѣбы, суцая Словене, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ... Бяху бо Обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроща вси, и не оста ни единъ Обринъ, и есть притча въ Руси до сего дне: погибоща аки Обри». Это преданіе о столкновеніи восточныхъ славянъ съ дикимъ народомъ говоритъ въ связи съ извѣстіями арабскихъ писателей о томъ времени, когда дулѣбы господствовали надъ

восточными славянами, образовавъ военный союзъ. Но эту первую общественную форму жизни восточнаго славянства разрушило нашествіе варварской орды, и только въ IX вѣкѣ мы наблюдаемъ новыя политическія образованія. Племя дулѣбовъ—вольняне тожъ (или бужане)—осталось жить на Карпатскихъ склонахъ въ сосѣдствѣ съ хорватами, а на югѣ съ уличами и тиверцами. Знаменитый походъ Олега на Царьградъ нашель отзвукъ въ западной окраинѣ: лѣтопись упоминаеть участіе хорватовъ. Въ 981 г. Владимиръ Святой «иде къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины города, иже суть и до сего дне подъ Русью». Лѣтописецъ могъ такъ сказать, ибо въ его время новая попытка Польши овладѣть Червенскими городами окончилась, какъ и при Владимирѣ, побѣдой его сына Ярослава Мудраго. Напряженные усилія Ярослава свидѣлствуютъ, что онъ придавалъ большое значеніе Червонной Руси. Эпитетъ Червонная,—равнозначущій красная, прекрасная, показываетъ, что русскіе люди уже отдавали должное красотѣ природы, богатству и плодородію края.

При сыновьяхъ Ярослава во второй половинѣ XI вѣка Галицкой землей владѣютъ три сына кн. Ростислава Тмутораканскаго, столь опаснаго когда-то для Византіи; появляются три отдѣльныхъ княжества: Перемышльское, Звенигородское и Теребовльское. Веѣмъ извѣстна судьба кн. Теребовльскаго Василька, ослѣпленнаго двоюродными братьями, извѣстна трогательная дружба, освобожденнаго впослѣдствіи, слѣпца съ его братомъ Володаремъ, извѣстна и неустанная борьба ихъ съ Польшей для упроченія земли своей. Характерны слова, сказанныя по этому поведи Василькомъ: «возьму землю Лядскую и мщу землю Русскую, ... либо налѣзу собѣ славу, либо главу свою сложу за Русскую землю». На почвѣ борьбы съ Польшей произошелъ захватъ обманнымъ путемъ черезъ польскаго вельможу, Петра Власта, князя Володаря. Объ этомъ плѣнѣ и о громадномъ выкупѣ, который заплатилъ за брата слѣпой Василько, рассказываетъ не столько лѣтопись, сколько западно-польскіе хронисты. Интересно, что предатель Володаря Петръ Власть былъ позднѣе ослѣпленъ въ Польщѣ и изгнанный бѣжалъ искать пріюта на Руси.

Сынъ Володаря Владимирко воспользовался смертью своего брата и двоюродныхъ, избавился отъ племянника Ивана Ростиславича, по прозванію Берладника. Послѣдній ушелъ княжить въ далекую Берладъ и, набирая дружину изъ пограничнаго населенія, сталъ бродячимъ княземъ-дружинникомъ, «кондотъери XII вѣка». Ставъ единымъ княземъ

Галицкой земли Владимирко сдѣлалъ стольнымъ городомъ Галичъ. Галичъ расположенъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, пересѣченномъ оврагами и ложбинами впадающихъ въ него рѣчекъ. Въ долину, образуемой устьемъ одной изъ нихъ, возникъ нижній городъ, а на крутомъ холму надъ нимъ верхній, галицкій Кремль. Съ холма видъ на дорогу черезъ Днѣстръ въ Кіевъ. Главная святыня Галича—соборный храмъ Богоматери, гдѣ погребенъ сынъ Владимирки, кн. Ярославъ Осмомыслъ. Несмотря на всѣ невзгоды, храмъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней и по внѣшнему виду не отличается отъ древне-кіевскихъ церквей. Главной цѣлью своей политики Владимирко поставилъ освободиться отъ вліянія Кіевского князя, не дать сосѣдней Польшѣ усилиться, воспользоваться удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія пограничныхъ городовъ (онъ и взялъ нѣсколько волынскихъ городовъ) и ловко пользоваться взаимной враждой Польши и Угріи для достиженія своихъ намѣченныхъ задачъ. Эта политика привела Владимирку къ участию въ борьбѣ Мономаховичей и Ольговичей, въ борьбѣ Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Польша въ это время была не особенно опасна Галичу, такъ какъ въ ней начались междоусобія послѣ смерти Болеслава Кривоустаго, но съ Угріей борьба была трудна. Не разъ князю приходилось унижаться передъ Угорскимъ королемъ. Но зато Владимирко былъ въ дружбѣ съ Византіей, и Византійскій императоръ говорилъ въ 1152 г., что онъ метитъ уграмъ за союзника своего и родственника кн. Галицкаго. Несмотря на участіе во многихъ войнахъ, Владимирко старался избѣгать войны на территоріи своего княжества и за рѣдкимъ исключеніемъ успѣвалъ достигъ этого. Много значило, конечно, что половцы не покоили земли Галицкой. Въ трудныя минуты, не стѣснявшійся въ средствахъ, Владимирко умѣлъ прибѣгнуть къ хитрости: то внести раздоръ въ среду враговъ-союзниковъ, то притвориться умирающимъ и умолять о прекращеніи кровопролитія. Классическимъ мѣстомъ, характеризующимъ вѣроломство и цинизмъ князя, является бесѣда его съ посломъ Изяслава, убѣждавшимъ не нарушать крестнаго цѣлованія: «что ми сій крестецъ малый!» Описаніе этой бесѣды на ряду съ картиной княжескаго обихода, равно какъ и другія подобныя мѣста лѣтописи, весьма любопытны и прекрасно рисуютъ личность «многоглаголиваго» князя въ его дипломатической дѣятельности.

Знаменитому сыну своему Ярославу (1152—1187) Владимирко оставилъ хорошее наслѣдство и послѣдній сумѣлъ имъ воспользоваться. Объ

этомъ выдающемся князѣ, прозванномъ Осмомысломъ, и о значеніи при немъ Галицкой земли имѣемъ блестящую характеристику автора «Слово о Полку Игоревѣ», имѣемъ характеристику лѣтописи конца XII вѣка, имѣемъ свидѣтельства византійскихъ писателей. Всѣ эти данныя рисуютъ намъ достаточно ярко тотъ образъ Ярослава Осмомысла, какой напечатлѣлся въ умахъ его современниковъ. «Галички Осмомыслѣ Ярославе! высоко сидиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ», «подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены за облака; творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли, ты отворяешь ворота Кіеву, и стрѣляешь съ отцовскаго золотого стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ)». Въ этихъ словахъ мы имѣемъ оцѣнку политическаго могущества Галича и положенія, занятаго имъ въ исторіи Восточной Европы. Для Руси XII вѣка Галицкое княжество было оплотомъ отъ враждебнаго славянству Угорскаго (Мадьярскаго) государства, которое усилилось при короляхъ своихъ Гейзѣ и Стефанѣ; полки Ярослава дѣйствительно оберегали проходы Карпатскихъ горъ. Ему не только не приходилось, подобно отцу, заискивать передъ Угріей, наоборотъ—Угорскій король пытался завязать дружественныя отношенія и домогался брачнаго союза съ дочерью Ярослава. Но эта попытка не удалась, благодаря между прочимъ Византіи, которая ревниво оберегала дружбу и союзъ съ Галицкимъ княземъ.

Одинъ изъ изслѣдователей считаетъ, что эта неудача, испытанная Угорскимъ королемъ въ попыткѣ сближенія съ Русью, отразилась печально на судьбѣ самой Угріи, толкнувъ ее къ сближенію съ Западомъ и къ поглощенію западной культурой. Но для Византіи положеніе, занятое Ярославомъ Осмомысломъ, помогло торжеству ея политики: императоръ Мануилъ добивался обезпечить интересы имперіи со стороны Угріи и достигъ этого. Хотя Галицкій князь держалъ себя очень независимо и ограничивался порой, напр. въ 1165 г., только пассивной поддержкой Византіи, но Византійскій императоръ не прочь былъ смотрѣть на него, какъ на своего вассала. Впрочемъ этотъ взглядъ больше относится къ политической идеологіи, чѣмъ къ реальнымъ фактамъ.

Союзъ и дружба императора Мануила съ Ярославомъ Осмомысломъ оставались неизмѣнны даже послѣ приема послѣднимъ бѣжавшаго соперника Мануила, его двоюроднаго брата, извѣстнаго своими приключеніями, Андроника. Пребываніе Андроника въ Галичѣ дало ему воз-

возможность ознакомиться съ русской жизнью: царевичъ получилъ города въ управленіе, ѣздилъ съ Ярославомъ на охоту, столь любимую русскими князьями, присутствовалъ на совѣщаніяхъ съ дружиной, обѣдалъ въ княжескомъ теремѣ. Ставъ впоследствии императоромъ Византіи, Андроникъ въ построенномъ имъ дворцѣ велѣлъ увѣковѣчить свое пребываніе на Руси, написавъ картину, изображавшую эпизоды изъ его жизни и сцены охоты. Пріемъ, оказанный Андронику, объясняется родственными связями. Дѣло въ томъ, что дочь Володаря, сестра Владимирки, была замужемъ за Исаакомъ Комненомъ и, такимъ образомъ, Андроникъ приходился Ярославу двоюроднымъ братомъ. Если Византійскіе писатели подчеркиваютъ обязательность союза для Галицкаго князя съ Византійскимъ императоромъ, то русская народная память наоборотъ сгущаетъ краски въ другую сторону, и въ Словѣ о Погибели русской земли, смѣшавъ воедино воспоминанія объ отношеніяхъ Владимира Мономаха къ царю Алексѣю Комнену и Ярослава Осмомысла къ Мануилу,—рисуетъ такую картину, что «жюрь (царь) Мануиль опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаше, абы подъ нимъ Царя города не взя».—Владѣнія Галицкаго князя доходили до Чернаго моря и устья Дуная: тамъ работали галицкіе рыболовы. По Дунаю, Днѣстру, Пруту, Бугу были разсѣяны русскія поселенія, г. Берладъ былъ пристанищемъ, какъ для обездоленныхъ князей, такъ и для берладниковъ—своего рода казаковъ XI—XII вѣка. По Днѣстру же шелъ важный залозный путь изъ Галиціи въ Грецію, по которому русскіе промышленники получали рыбу. Сама Галиція изъ Коломши доставляла, главнымъ образомъ, соль и между прочимъ красный шиферъ для построекъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, въ рукахъ Ярослава Осмомысла были ключи Дунайской торговли. Въ эти Черноморскія степныя пространства не доходили кочевники, но галицкіе полки не одинъ разъ ходили на половцевъ. Про Галицкую «помочь» южно-русскимъ князьямъ въ борьбѣ съ погаными говоритъ лѣтопись и въ 1155 и въ 1183 гг., когда Святославъ Кіевскій посылалъ за «кокольными князьями». Это участіе въ обще русскомъ дѣлѣ борьбы со степью, конечно, мѣшало обособленію Галича и способствовало чувству единства со всей русской землей. Помощь, оказываемая Ярославомъ то тестю Юрію Долгорукому, то кн. Ростиславу Мстиславичу, Мстиславу Изяславичу, вводила Галицкаго князя въ междукняжескія усобицы за Кіевскій столъ, и не разъ имѣла рѣшающее значеніе при рѣшеніи вопроса. Такимъ образомъ, если съ 1158 г. ни одинъ вражескій воинъ не переступалъ границы княжества Осмомысла,

то зато полки его подъ начальствомъ воеводъ бывали во многихъ концахъ земли Русской.

Политическое могущество князя Ярослава отмѣчаетъ на ряду съ Словомъ о Полку Игоревѣ и лѣтопись: «князь былъ честенъ въ земляхъ и славенъ полкы». Но главное вниманіе лѣтописецъ обращаетъ на устройство имъ земли и на его личныя достоинства: на умъ, образованіе, любовь къ церкви и къ просвѣщенію: «бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоинъ, ... гдѣ бо бѣшетъ ему обида, не ходяшетъ полкы своими, но посылаетъ я съ воеводами, бѣ бо устроилъ землю свою и милостыню силу раздавашетъ, странны любя и нищая кормя, черноризскій санъ любя и честь подавая отъ силы своея и во всемъ законѣ ходя Божіи, къ церковному чину самъ приходя и строя». Указанія лѣтописи на щедрую милостыню лучшихъ князей древней Руси, думается, имѣютъ общественное значеніе, не одно только личное дѣло христіанина. Древность не знала долго (вплоть до XVII в.) организаціи благотворительности не только государственной, но и общественной. Щедрая раздача отдѣльныхъ личностей, особенно князей, замѣняла ее. Однако въ лѣтописи мало свѣдѣній, въ чемъ заключалось устройство земли княземъ Ярославомъ, и мы должны воспользоваться сводомъ Татищева, который даетъ слѣдующія подробности. Ярославъ Осмомыслъ былъ страшенъ сосѣдямъ, потому что обратилъ вниманіе на военное устройство, перенявъ многое изъ военнаго искусства грековъ, чеховъ и угровъ. Онъ способствовалъ торговлѣ съ Византіей, строилъ города (Галиція изобиловала камнемъ и потому постройки были каменные), призывалъ иноземцевъ-промышленниковъ и особенно заботился о просвѣщеніи, устраивая училища на счетъ монастырей. Самъ любилъ чтеніе и зналъ нѣсколько языковъ. Богатый чрезвычайно (ему ничего не стоило при случаѣ уплатить ляхамъ 3000 гривенъ), Ярославъ любилъ подавать милостыню и, когда передъ смертію приказалъ раздавать имѣніе свое монастырямъ и нищимъ, то этого не смогли сдѣлать въ три дня. Описывая трогательно благочестивую кончину князя, который исповѣдовалъ передъ всеми грѣхи своя, плача и говоря: «се уже отхожу свѣта сего суетнаго»,—лѣтописецъ прибавляетъ, что князь сказалъ мужамъ своимъ: «се азъ единою худою своею головою ходя, удержалъ всю землю Галицкую» ... и князь былъ правъ. Когда пересталъ управлять Галичемъ великій умъ Осмомысла, въ княжествѣ наступили смуты и вмѣшательство иноземцевъ. Причиной смуть, которыя, къ несчастію юго-западной Руси, наступа-

ли въ ней вслѣдъ за княженіями выдающихся ея государей, были, помимо обще-русскихъ политическихъ условій того времени, особенности внутренняго строя Галиціи и вмѣшательство пограничныхъ государствъ. Тѣсныя политическія отношенія между Польшей, Угріей и юго-западной Русью, къ нимъ наиболѣе близкой, особыя въ силу этого задачи, рисовавшіяся Галицкимъ князьямъ, участіе въ международной политикѣ восточной половины Европы болѣе активное, чѣмъ въ другихъ областяхъ Руси—все это дѣлало положеніе Галицкаго княжества особенно опаснымъ при внутреннихъ беспорядкахъ и осложняло внутреннюю жизнь его. Между тѣмъ эти же политическія условія создали два явленія, характерныя для жизни Галича: сильное и своевольное боярство и пестрый, по этнографическому составу, промышленный классъ, благодаря иноземной колонизаціи. Исторія Галицкаго боярства довольно неясна. Одинъ изъ изслѣдователей прямо назвалъ господство этого класса въ Галичѣ: «боярской анархіей, которой не удалось превратиться въ прочный аристократическій порядокъ». Другіе то склонны видѣть въ боярствѣ сильный и вліятельный классъ съ группировкой на партіи, то приписываютъ ему преслѣдованіе интересовъ цѣлаго общественнаго класса, но съ крайне несимпатичной окраской, то, наконецъ, подчеркиваютъ иноземное вліяніе, способствовавшее образованію панства, столь чуждаго русскому духу. Но, независимо отъ опредѣленія характера и исторіи развитія Галицкаго боярства, всѣ изслѣдователи сходятся въ оцѣнкѣ этого явленія, какъ подрывавшаго благосостояніе края, способствовавшего смутамъ и осложнявшаго дѣятельность наиболѣе блестящихъ государей. Если мы перечислимъ только, чѣмъ владѣло боярство, мы увидимъ его силу: бояре были крупными землевладѣльцами, при чемъ богатство края и безопасность отъ кочевниковъ способствовали полученію крупныхъ доходовъ, они наследственно управляли городами, владѣли значительнымъ числомъ рабовъ и располагали собственными полками. Довольно двухъ-трехъ лѣтописныхъ выдержекъ, чтобы увидѣть разницу между галицкими мужами и мужами хотя бы сосѣдней Волыни. Такъ бояринъ Доброславъ ѣдетъ во единой сорочицѣ съ гордынею великою, «ни на землю смотряцю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его», или бояринъ Судиславъ, поднявшій мятежъ, съ трудомъ лишь изгоняется Даниломъ: «изыде изъ града, мятежниче земли!» Достигнувъ такого положенія на службѣ князю и осѣвъ въ Галичинѣ вмѣстѣ съ нимъ, бояре держались исключительно княжей службой, а не связью съ землею: вотъ почему

и желали князя для себя удобнаго. Галицкіе мужи, превратившіеся въ таковыхъ изъ княжихъ мужей, заслонили собою землю, но не явились представителями ея интересовъ. При всякомъ удобномъ случаѣ сказывалось это вредное вліяніе боярства. Семейные нелады князя Ярослава Осмомысла вызвали вмѣшательство бояръ въ интимную жизнь его. Разнь между сыновьями: законнымъ, но нелюбимымъ Владимиромъ и незаконнымъ, но любимымъ Олегомъ, послужила къ рѣшенію боярами судебъ княжества и къ попустительству ими иноземцевъ-сосѣдей. Въ Галичѣ вокняжился Угорскій королевичъ. Неистовства угровъ надъ населеніемъ заставили послѣднее обратиться снова къ своему законному, хотя и безпутному князю Владимиру, а затѣмъ оказать поддержку волынскому князю Роману Мстиславичу.

Этотъ выдающійся политикъ, сидя до той поры во Владимирѣ-Волынскомъ, занимался благоустройствомъ своего княжества и наводилъ грозу на Литву. «Романе: худымъ живеши, Литвою ореши». «Литва, Ятвяги сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша»... Въ борьбѣ за обладаніе Галичемъ Романъ Мстиславичъ опирался, главнымъ образомъ, на поддержку чернаго люда, хотя была и среди бояръ партія, благопріятствующая Волынскому князю. Помогали Роману и поляки. Эта помощь будетъ понятна, если знаемъ, что князь былъ въ родствѣ съ польскимъ домомъ, что въ молодости жила въ польскомъ дворѣ и имѣлъ тамъ друзей и сверстниковъ, и что постоянно вмѣшивался въ междукняжескія польскія отношенія. Не даромъ польскіе писатели интересуются княземъ Романомъ не меньше, чѣмъ наши лѣтописцы. Однако, участіе въ польскихъ распряхъ стоило Роману дорого: на рѣкѣ Мозгавѣ онъ былъ однажды опасно раненъ, а въ 1205 году подъ городомъ Завихвостомъ убитъ въ расцвѣтѣ своей политической дѣятельности. Осуществивъ широкій планъ объединенія Волыни и Галиціи въ одно сильное княжество, Романъ Мстиславичъ сдѣлалъ его центромъ южной Руси, взамѣнъ терявшаго свое значеніе, Кіева, впрочемъ и престоль Кіевскій то зависѣлъ отъ него, а то и всецѣло находился въ рукахъ. За то и называетъ лѣтописецъ Романа самодержцемъ всея Руси, царемъ, великимъ. Успѣшная политика, и внутренняя и внѣшняя, создала такую шумную и славную молву о значеніи Галицко-Волынскаго князя, что эта молва достигла до Царьграда и до Рима. Императоръ Алексѣй Ангель ищетъ помощи отъ половцевъ, разоряющихъ Оракію, а когда на Царьградъ напали крестоносцы, то и убѣжища. Иннокентій III,

этотъ воинственнѣйшій папа Средневѣковья, задумалъ, разчитывая на славолубіе Галицкаго князя, распространить свою власть и надъ Русью и послалъ пословъ съ предложеніемъ короны и униі. Но Романъ Мстиславичъ о дѣлахъ вѣры сталъ препираться отъ св. Писанія, а отъ короны отказался и на слова о значеніи меча св. Петра, для пріобрѣтенія новыхъ земель, отвѣтилъ: «таковъ ли мечъ у папы? (обнаживъ при этомъ свой). Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровію, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножавшихъ землю русскую». Будучи самодержцемъ всея Руси, Романъ не хотѣлъ терпѣть своевольства бояръ и пытался провести новыя начала твердой княжеской власти. О расправѣ съ боярами, о террорѣ, устроенномъ Романомъ Мстиславичемъ, особенно распространяется польскій писатель Кадлубекъ, который и приводитъ столь извѣстную поговорку: «не передавивъ пчелъ, меду не ѣсть». Русская лѣтопись молчитъ объ этомъ. При Романѣ Мстиславичѣ незамѣтно, дѣйствительно, участія бояръ въ жизни княжества, но начавшіяся послѣ смерти его смуты показали, что боярство сломлено не было.

Разсматривать болѣе чѣмъ 40-лѣтнюю борьбу Даниіла Романовича (1205—1264) и брата его Василька за свою отчину не будемъ. Эти годы, дѣйствительно, годы «крамоль и безчисленныхъ ратей», и только литературныя и историческія достоинства Галицкой лѣтописи заставляютъ съ интересомъ разбираться въ эпопеѣ ея героя. А эта эпопея началась драматичной картиной. Не успѣлъ умереть великій Романъ, какъ его вдова и сыновья, 4-лѣтній Даниілъ и 2-лѣтній Василько, должны были бѣжать изъ Галича на Волынь, а оттуда въ ночь «дырею градскою» бѣжали искать, гдѣ-нибудь на чужбинѣ, пріюта. Все печальное дѣтство Романовичей проходитъ то въ Польшѣ, то въ Угріи, особенно долго мыкался Даниілъ; Василько раньше его устроился на Волыни и, быть можетъ, по этой причинѣ былъ больше по складу старо-русскимъ княземъ. Не малую энергію проявила и вдова Романа. Ея внукъ Мстиславъ Даниловичъ украсилъ впослѣдствіи ея гробницу. А въ Галицко-Волыньскомъ княжествѣ первенствующая роль перешла къ боярству и тутъ-то оно показало весь свой эгоизмъ и отсутствіе національнаго чутья. Бояре руководствовались одной мечтой, чтобы «княземъ себѣ называху, а самѣ всю землю держаху». Такое настроеніе помогло многочисленнымъ претендентамъ на Галицкій столъ: въ борьбѣ этой видимъ и русскихъ князей Ольговичей, и иноземцевъ-угровъ и ляховъ, наблю-

даемъ и два небывалыхъ на Руси событія: однажды вокняжился бояринъ, и однажды князья были повѣшены. Недолго на Галицкомъ столѣ были угорскій королевичъ, 5-лѣтній Коломанъ, обрученный съ 3-лѣтней Соломіей, польской княжной. Этотъ брачный союзъ былъ придуманъ для примиренія интересовъ Угрии и Польши, съ тѣхъ поръ Угорскій король сталъ употреблять титулъ «rex Galiciae et Lodomeriae», съ тѣхъ поръ Польша, а потомъ и Австрія ссылались на упомянутое обстоятельство, какъ на доказательство своихъ правъ державныхъ на Галицію. Для Рима же эпизодъ съ вокняженіемъ Коломана послужилъ для начала пропаганды. При Коломанѣ явились два римскихъ епископа, которые захватили нѣсколько православныхъ церквей и оскорбили галицкаго владыку. Угорскій король принуждалъ къ униі, и религіозныя утѣшенія вызвали народную ненависть къ иноземцамъ. Вообще безчинства, творимыя уграми, отмѣченныя лѣтописцемъ, лучше всего опровергаютъ вышесприводимое мнѣніе о возможности для Угрии сближенія съ славянскимъ міромъ, съ славянской культурой. Долгая борьба, которую велъ Данилъ Романовичъ за свою отчину, сперва увѣчалася успѣхомъ на Вольни, а затѣмъ и въ Галичѣ. На Вольни все населеніе было на сторонѣ Романовичей, мѣшали мелкіе удѣльные князья, въ Галичѣ наиболѣе упорнымъ врагомъ было боярство. И не легко было Данилу добиться того, чтобы съ полнымъ правомъ сильнаго сказать боярамъ: «князь вашъ азъ есмь, повеленія моего не творите, землю грабите». Ко времени татарскаго нашествія Романовичамъ удалось возстановить планъ ихъ великаго отца—объединить не только Вольнь и Галицію, но и держать подъ своей рукой Кіевъ: Данилъ сталъ называть себя государемъ всея Руси. Однако скоро Приднѣпровье отошло отъ Галицко-Вольнскаго князя. Идея единой политически русской земли не была еще выношена народнымъ сознаниемъ, политика Романа и Данила, предвосхитившая идею эту у своихъ сѣверо-восточныхъ современниковъ, оставалась лишь плодомъ дѣятельности этихъ выдающихся государей. Эти новыя начала политической жизни были свѣяны въ юго-западной Руси неблагоприятными историческими обстоятельствами, и были проведены въ жизнь позже, упорно и медленно московскими государями. Но неудача не умаляетъ заслуги Романа и Данила.

Данилъ Романовичъ въ нѣжной и тѣсной дружбѣ съ братомъ Василькомъ правилъ юго-западной Русью въ сложное и тяжелое время XIII вѣка. Ему пришлось имѣть дѣло съ двумя врагами, мѣшавшими

мирной жизни, по выраженію митрополита Кипріяна: «со стороны Татаръ, а съ другую Литва предѣлы Русскіе грабятъ». Впервые встрѣтился съ татарами юный еще и пылкій князь Данилъ въ битвѣ на Калкѣ, когда, сѣвъ на коня, гналъ его видѣть невиданныя рати татарскія, а потомъ въ битвѣ помчался впередъ и былъ раненъ, но «младѣства ради и буести не чюяше ранъ, бывшихъ на тѣлеси его»; «бѣ бо дерзъ и храборъ; отъ главы до ногу егъ не бѣ на немъ порока», прибавляетъ лѣтописецъ. Такимъ дерзко-храбымъ пытался князь Данилъ быть по отношенію къ татарамъ всю жизнь. Когда татары, пройдя огнемъ и мечомъ русскую землю, стали проявлять надъ нею свою власть, то зависимость отъ нихъ юго-западной Руси оказалась очень слабой, и Романовичи, занявшись своимъ краемъ, не спѣшили ѣхать въ Орду. Слава имени Данила производила обаяніе на хана, который говаривалъ: «Данило князь лють есть, оже отъиметь ти животъ, то кто ти избавитъ». Однако въ 1245 году на приказаніе либо ѣхать въ Орду, либо отдать Галичъ, Данилъ «въ печалѣ велицѣ», зная, что укрѣпленія не готовы, что союзъ противъ татаръ не состоялся, рѣшился ѣхать на Волгу. Можно прямо сказать, что ни одинъ изъ князей русскихъ не ѣхалъ съ такимъ горькимъ чувствомъ поруганія надъ своими политическими и культурными идеалами, и что современниковъ больше всего ударила вѣсть, «о злѣ зла честь татарская! Данилови Романовичу князю велику, обладавшу Русскою землею: нынѣ сѣдитъ на колѣну и холопомъ называется!.. Его же отецъ бѣ царь въ Русской землѣ!» Напрасно въ Ордѣ заискивали передъ княземъ, Данилъ не могъ отказаться отъ борьбы: онъ неустанно ищетъ помощи на Западѣ, мечтаетъ о крестовомъ походѣ противъ Азии, но Западъ, съ которымъ у него были постоянныя сношенія, не оправдалъ надеждъ; тогда князь бросается въ борьбу одинъ... по результатъ былъ тотъ, что брату же его Васильку пришлось уничтожать укрѣпленія по приказу татаръ. Политика Данила по отношенію къ татарамъ вызываетъ разную оцѣнку; но зная успѣхи, планы политическіе и славу этого князя, зная взглядъ на него современниковъ, надо сказать, что иначе сынъ Романа поступить не могъ. И онъ далъ своей попыткой, съ одной стороны, удовлетвореніе русскому народному чувству, а съ другой, способствовалъ тому, что иго татарское слабѣе тяготѣло надъ юго-западной Русью.—Борьба съ Литвою до времени Миндовга, князя Литовскаго, носила характеръ борьбы съ половецкими набѣгами, что особенно замѣтно при Романѣ Мстиславичѣ, про котораго пѣсень поетъ: «большему князю

глаза выкопали, а меньшему брату ноги выломали, и послали къ дядюшкѣ» ... «жилъ я въ хороброй Литвѣ, выхаживальъ выходы». Походы на ятвяговъ Данила отличаются тѣмъ же характеромъ, и ятвяги уступали силѣ и искусству русскихъ князей, о каковомъ лѣтописецъ пишетъ: «когда вои Данила исполнились, щиты ихъ засіяли, яко зоря», шеломы, какъ солнце восходящее; когда Данилъ, сидя на конѣ, уряжалъ полки свои, то Пруссы сказали Ятвягамъ «на сію ли рать дерзнуть?» и удалились восвоеси. Политика Миндовга измѣнила ходъ событій и Галицкій князь понялъ опасность отъ объединяющейся Литвы. Онъ пытался составить противъ Литвы коалицію, то воеваль, то вель переговоры, наконецъ, рѣшилъ дѣйствовать культурнымъ воздѣйствіемъ и, казалось, положилъ

ПЕЧАТЬ
КНЯЖА ДАНИЛА



Хранится въ Кіевскомъ
музее.

начало обрусѣнію Литвы. Сынъ Миндовга, Войшелкъ, со всѣмъ пыломъ необузданной природы своей, принялъ христіанство, возжаждалъ аскетическихъ подвиговъ, и передалъ сперва свои волости Роману Даниловичу, а впоследствии и столъ отца своего Шварну Даниловичу, женатому на сестрѣ его.

Если въ восточной политикѣ Данилу пришлось испытать не мало горечи, то зато на Западѣ его могущество и вліяніе сказалось весьма ярко. Въ

Польшѣ, волнуемой междоусобицами, Данилъ утвердилъ свое вліяніе: онъ оказываль поддержку и краевскому и мазовецкому князьямъ въ достиженіи столовъ, но зато считаль себя въ правѣ сказать: «добро видѣлъ отъ насъ, иди съ нами на Ятвяговъ». Спорный вопросъ о Люблинѣ былъ рѣшенъ въ пользу Руси и Галицкій князь возвелъ тамъ укрѣпленія. Взаимныя отношенія Руси и Польши хотѣлось Данилу Романовичу рѣшать не оружіемъ, а на сѣздахъ, подобно тому, какъ сѣзжались русскіе князья, и въ 1262 году былъ «снемъ Русскимъ княземъ съ Лядскимъ... и сѣзжались въ Тернавѣ и положили рядъ между собою о землѣ Русской и Лядской» ... Угорскій король постоянно обращался за помощію въ Галичь, искалъ родственного сближенія и вѣчный припѣвъ его былъ: «ужика ми и свать, помоги мнѣ». Но вѣчно прибѣгая къ помощи, угры платили за нее черною неблагодарностью, на что негодуеть нашъ лѣтописецъ. Вообще кто только

изъ западныхъ сосѣдей не узналъ стройныхъ полковъ Даниіла? Лѣтописецъ говоритъ, что никто изъ русскихъ князей не ходилъ такъ глубоко въ землю Лядскую, какъ Даниілъ, никто не воевалъ земли чешской раньше его, ни Святославъ Храбрый, ни Владимиръ Святой; въ Моравіи, близъ Опавы, въ г. Насилье поставилъ Галицкій князь хоругвь свою; иѣмцы подъ Вѣною не могли надивиться свѣтлости русскихъ полковъ и самому князю, ѣхавшему на конѣ по обычаю русскому, въ кожухѣ изъ олавира греческаго, а Угорскій король могъ при этомъ только сказать: «не взялъ бы тысячи серебра за то только, что пришелъ обычаемъ Русскимъ отцевъ своихъ». Видѣли войска Даниіла и Вѣну и далекую Ригу. Но всего любопытнѣе, что Даниілъ Романовичъ вступилъ въ борьбу за обладаніе Австріей, когда въ ней кончился домъ Бабенберговъ. Женивъ сына Романа на Гертрудѣ, наслѣдницѣ Австріи и Штирії, Даниілъ думалъ, съ помощью Угорскаго короля, утвердиться тамъ и, можетъ быть, искалъ бы для сына и императорской короны. Эпизодъ этотъ кончился неудачей: Романъ былъ побѣжденъ Оттокаръ Чешскимъ, который, въ свою очередь, былъ вынужденъ уступить Австрію Габсбургу.—Но если Даниілъ такъ тѣсно связывалъ свои интересы съ политикой западно-европейской, то онъ разсчитывалъ, со своей стороны, на возможность союза христіанскихъ государей противъ враговъ вѣры и культуры: «время есть христіаномъ на поганые». Эти мечты потерпѣли неудачу. Но онѣ вызвали, въ свою очередь, несбывшуюся мечту Рима—распространить свою власть на юго-западную Русь. Между Римомъ и Галицкимъ княземъ велись переговоры: папа началъ ихъ въ то время, когда Даниілъ сталъ лелѣять планъ борьбы съ татарами и вѣрилъ еще въ силу папскаго слова. Очень скоро эти переговоры прервались: Даниілъ склоненъ былъ признать унію съ большими оговорками, главнымъ условіемъ ставилъ помощь отъ татаръ; Иннокентій IV не въ состояніи былъ исполнить этого условія и не былъ сговорчивъ въ вопросахъ религіозныхъ. Отъ сношеній съ Римомъ осталась только королевскій вѣнецъ, который прислалъ папа и отъ котораго Даниілъ отказывался, говоря: «ратъ Татарская не престаеъ злѣ живущи съ нами», а когда согласился короноваться, то принялъ вѣнецъ «отъ Бога, отъ Апостольской Церкви, отъ папы и отъ всѣхъ епископовъ своихъ». Благодаря тому, что Даниілъ во-время прекратилъ переговоры съ Римомъ, католическая пропаганда не увѣнчалась успѣхомъ и, благодаря этому, «земли славныхъ Романа и Даниіла» устояли въ борьбѣ за народность.

Политика Данила Романовича произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ—достаточно указать на Галицкую лѣтопись—и преемники Галицкаго короля стремились, хотя и не всегда удачно, слѣдовать ей. Къ несчастью, Данилъ или не понималъ опасности дробленія власти, или пренебрегъ ею во имя родственныхъ интересовъ, но только послѣ его смерти въ Галицко-Владимирскомъ княжествѣ появилось, кромѣ брата его Василька, еще 4 князя: три сына Данила: Шварнъ, Левъ и Мстиславъ и племянникъ Владимиръ Васильковичъ. (Василько и Шварнъ вскорѣ умерли.) Левъ Даниловичъ, наслѣдуя отъ отца стремленіе къ широкимъ замысламъ и къ собиранію земли, не наслѣдовалъ его благородства. Онъ запятналъ себя вѣроломствомъ, неразборчивостью въ средствахъ, вплоть до убійства изъ зависти къ Шварну Войшелка и поддержки Тройдена, литовскаго князя—представителя языческой Литвы, вплоть до призыва къ себѣ на помощь татаръ. Въ противоположность Льву, сынъ Василька, Владимиръ, является одной изъ замѣчательныхъ личностей, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ: «бысть философъ великъ». Княжа на Волыни, Владимиръ Васильковичъ, благодаря нравственному авторитету и твердости воли, приобрѣлъ уваженіе сосѣдей и князей-братьевъ, но и ему не удалось сбересть землю отъ невзгодъ. Самымъ тяжелымъ было то, что татары не только стали разорять Волынь и Галицію, но и приняли по отношенію къ князьямъ ея иной тонъ, чѣмъ раньше, не даромъ лѣтописецъ только теперь отмѣчаетъ: «тогда бяху вси князи въ волѣ татарской»; русскимъ войскамъ приходилось участвовать въ походѣ татаръ противъ Венгрии, противъ Польши. Что же касается до отношеній къ Польшѣ, то бывшія тамъ междоусобія усиливали русское вліяніе и одинъ изъ князей Мазовецкихъ просилъ Владимира Васильковича принять его подъ свою руку. На Польшу надвигались нѣмецкія силы и нѣмецкое вліяніе. «Къ половинѣ XIII вѣка уже видимъ рѣшительное дѣйствіе бранденбургцевъ въ сторону Великой Польши и въ результатѣ возникновеніе Новой Марки, т.-е. прочное утвержденіе нѣмецкаго господства на польской почвѣ». Одновременно утверждается нѣмецкій элементъ въ столицѣ Малой Польши, въ Краковѣ. Въ первый разъ нѣмецкое засилье сказалось въ 1285 году въ столкновеніи съ краковской шляхтой изъ-за престолонаслѣдія. Между тѣмъ въ Польшѣ еще было на ряду съ тяготѣніемъ къ Западу стремленіе къ родному славянскому міру, а на Руси замѣчаемъ порой сочувственное отношеніе къ польскимъ князьямъ:

«преставился князь Краковскій Болеславъ, добрый, тихій, смиренный» ...; Неудивительно поэтому, что если и воюють русскіе князья съ Лешкомъ, то, съ другой стороны, идутъ на призывъ Конрада: «братья, моя милая Русь! потягнемъ за едино сердце», а Левъ Даниловичъ заявляетъ притязанія на земли Малой Польши по смерти Болеслава: «заче не бысть у него сына». Столь же переменчивы были отношенія къ Литвѣ: то видимъ походы князей въ Литву, то разоренія Руси отъ набѣговъ «беззаконнаго, проклятаго Тройдена», то, наконецъ, литовцы говорятъ Владимиру Васильковичу: «Владимире, добрый княже! можемъ за ты головы свои сложити». Такъ шли дѣла юго-западной Руси въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка. По смерти Владимира Васильковича на Волыни княжилъ Метиславъ Даниловичъ, а въ Галичѣ попрежнему Левъ. Не имѣя дѣтей, князь-философъ передалъ при жизни еще (онъ былъ тяжело боленъ четыре года) княженіе двоюродному брату и высказалъ при этомъ замѣчательное наставленіе. Племянникъ Юрій Львовичъ сталъ просить у больного Владимира Берестье, Владимиръ отказалъ и, взявъ въ руку соломинку изъ постели своей, сказалъ Метиславу: «хотя быхъ ти тотъ вѣхоть соломы далъ, того не давай по моемъ животѣ никому же». Метиславъ оправдалъ надежды князя Владимира. На княженіи его прерывается Галицко-Волынская лѣтопись, и мы вступаемъ при весьма скудномъ состояніи источниковъ въ XIV вѣкѣ, почему исторія Галицко-Волынскаго княжества становится не вполне ясной. Часто упоминаемое въ лѣтописи выраженіе «сынъ королевъ, внукъ Романовъ», примѣняемое къ сыновьямъ Данила, какъ бы закрѣпляютъ преемственное значеніе этихъ трехъ поколѣній для исторіи Южной Руси. По смерти Даниловичей, сынъ Льва Юрій I снова объединилъ Волынь и Галицію и сталъ называться снова королемъ: «rex Russiae et princeps Lodomegiae», какъ значится на его печати.

При Юрій I Львовичѣ, равно и при сыновьяхъ его Андреѣ и Львѣ, Галицко-Владимирскому королевству пришлось вступить въ довольно тѣсныя сношенія съ Тевтонскимъ орденомъ. Памятникомъ этихъ сношеній остались договорныя грамоты: въ 1316 г. Андрей и Левъ увѣряютъ крестоносцевъ въ своей дружбѣ, то же знаемъ объ Юрій II—Болеславѣ¹⁾;

¹⁾ Юрій II—Болеславъ, сынъ Маріи, дочери Юрія I, и Тройдена, кн. Мазовецкаго; онъ былъ католикъ, перешелъ въ православіе, вернулся въ католичество и притѣснялъ русскихъ православныхъ подданныхъ; отравленъ въ 1340 году.

въ 1320 г. торунскимъ (торнскимъ) купцамъ предоставлено право вести торговлю въ русскихъ земляхъ. Сближеніе съ крестоносцами объясняется борьбой, которую Галицко-Владимирскіе князья вели съ Литвою, въ частности за Подляхію (такъ называлась мѣтность у городовъ Берестье, Дрогичинъ, Мѣльникъ, Бѣльскъ). Въ Литвѣ, какъ извѣстно, начало XIV вѣка совпадаетъ съ дѣятельностью знаменитаго Гедимина, который старался усилить свое государство присоединеніемъ русскихъ областей. Литва, Нѣмцы, Польша—вотъ тѣ политическія силы, съ какими, главнымъ образомъ, и приходилось имѣть дѣло Галицко-Владимирскому королевству за послѣднее время его самостоятельнаго существованія, и оно обладало для этого достаточнымъ могуществомъ, претендуя даже при послѣднемъ королѣ Юріи II—Болеславѣ на Люблинскую область. Отношенія же къ татарамъ характеризуются письмомъ къ папѣ польскаго короля Владислава Локетка, который въ 1324 г. сообщаетъ, что «два послѣднихъ русскихъ князя изъ рода схизматиковъ», бывшіе для него непреоборимымъ оплотомъ противъ татаръ, скончались, и молитъ папу поддержать его провозглашеніемъ крестоваго похода. Слова польскаго короля о кончинѣ двухъ послѣднихъ русскихъ князей, т.-е. Андрея и Льва Юрьевичей въ 1324 г., дѣйствительно, отмѣчаютъ прекращеніе династїи короля Даниїла по прямой линїи. Княженіе на Волыни Любарта Гедиминовича, женатаго на Бушѣ, дочери Льва, и княженіе Юріи II—Болеслава въ Галичѣ знаменуютъ переходъ престола въ женскую линію, а послѣдовавшая въ 1340 г. смерть Юріи II—Болеслава, князя, предавшагося интересамъ Рима и Запада,—и полное прекращеніе династїи. Прекращеніе династїи, всегда опасное для государственной жизни, совпало съ весьма сложнымъ и опаснымъ моментомъ въ политической исторїи Юго-Западной Руси. Въ этотъ моментъ, въ XIV в., возростало могущество сосѣднихъ—Литвы и Польши, а Сѣверо-Восточная Русь совсѣмъ обособилась въ своей жизни отъ Руси Юго-Западной; то единство и та связь, которыя мы могли наблюдать въ жизни русскаго народа за XI и XII вв., которыя не совсѣмъ порвались и въ XIII в.,—теперь уже исчезли. Такимъ образомъ, возможно стало то явленіе, которое наблюдаемъ въ XIV в.,—борьба за обладаніе Волынью и Галичемъ между Литвою и Польшею. Прекращеніе династїи при сложной политической обстановкѣ и является основной причиной того, что Галицко-Владимирское государство, олицетворявшее тогда Малую Русь, въ полномъ расцвѣтѣ своего политическаго могущества, не изживъ своихъ экономическихъ и культур-

ныхъ силъ, сошло съ исторической сцены, какъ независимая политическая сила, чтобы начать новую жизнь—жизнь подневольную. Этому способствовали и другія причины, коренившіяся въ условіяхъ внутренней жизни Галича; чтобы понять ихъ, надо представить себѣ картину этой внутренней жизни.

Естественныя богатства земли Галицкой составили себѣ легендарную славу не только на скудномъ польскомъ сѣверѣ. Черноземныя поля и тучныя луга ея доставляли то изобиліе хлѣба и тѣ многочисленныя стада, о которыхъ случайно, но весьма краснорѣчиво говоритъ лѣтопись, постоянно отмѣчая обиліе пшеницы, жита, ржи, проса, «многи стада коньска и кобылья», «безчисленное множество скота и коней», отмѣчая снабженіе хлѣбомъ Литвы и русскихъ областей, напр., Черниговской. Въ голодные годы въ Галицко-Волынскую землю тянулись за помощью: такъ Ятвяги, напр., просили Владимира Васильковича: «Господине княже! пріѣхали къ тебѣ, надѣясь на Бога и на твое здоровье, не помори насъ, но перекорми». Но если именно это богатство почвы долинъ особенно цѣнилось призывшимъ къ земледѣльческому труду населеніемъ, то не меньшее доставляли верховины Карпатъ и подгоріе съ соляными источниками, съ каменоломнями: солью изъ Галича и Перемышля снабжалась вся Русь, соляные промыслы Коломыи весьма цѣнились князьями, державшими ихъ въ своихъ рукахъ, красный шиферъ на постройки Кіева шелъ изъ Овруча. Галицкіе рыболовы раскинули свои промыслы не по однѣмъ рѣкамъ, но и по Черноморскому побережью, а охота на дикихъ звѣрей въ лѣсахъ доставляла мѣха, шкуры и прославила ловы галицкихъ князей даже въ Византіи. Избытокъ богатствъ края способствовалъ развитію торговли, которая достигла крупныхъ успѣховъ благодаря тому, что Галицко-Волынская земля лежала во все времена по срединѣ важныхъ торговыхъ путей. Постоянное торговое движеніе замѣтно и въ древности, широко развито въ годы могущества и значенія Византіи, не ослабѣваетъ и послѣ 1204 и 1240 годовъ (взятія Царьграда крестоносцами и нашествія татаръ). Залозный путь, ведшій въ Грецію, шелъ по Днѣстру изъ Галича и бережно охранялся князьями. Морское движеніе было столь велико, что въ 1224 году Галицкіе выгонцы явились на 1000 ладьяхъ. Регенбургскіе купцы ѣздили въ Кіевъ черезъ Вѣну и Галичь. Сюда же впоследствии направлялись бреславльскіе, польскіе, австрійскіе торговцы, и Львовъ держалъ въ своихъ рукахъ торговое движеніе отъ Бѣлгорода (Аккерманъ) до Кракова черезъ Сучаву, и до Гданска. Ни захватъ

Подоліи татарами, ни даже турецкое владычество не ослабили его, давъ лишь болѣе сѣверное направленіе. Грамоты саксонскихъ, австрійскихъ государей XII в. говорятъ о русскихъ купцахъ изъ Галиціи, точно также, какъ позже, въ XIV в. чешскіе купцы въ грамотѣ имп. Карла IV заботятся объ удобствахъ торговли съ Русью. Эта постоянная, все расширяющаяся торговля наводнила край товарами: изъ богатаго Царьграда шли паволоки, оловиръ, драгоценности, аксамиты, шитые золотомъ и жемчугомъ, кованые сосуды—все то баснословное богатство, которымъ располагали Галицкіе князья: стоитъ только раскрыть лѣтопись и прочесть описаніе имущества Владимира Васильковича или короля Данила, или описанія постройки церквей, описанія княжескихъ имѣній, имѣній галицкаго боярства. Богатство края и торговля дали толчокъ промышленности, дальнѣйшее развитіе которой поощрялось въ особенности Даниломъ и его преемниками. Число городовъ растетъ, увеличивается городское населеніе. Нѣкоторые изъ городовъ, возникшіе для цѣлей обороны, становятся важными центрами жизни края, напр. Львовъ, Холмъ. Постройка городовъ, укрѣпленіе и украшеніе ихъ особенно занимали князя Данила, его брата Василька и племянника Владимира Васильковича, и подобно тому, какъ нѣкогда Владимирко въ выборѣ Галича, такъ и они въ основаніи Холма, Львова, Каменца проявили большое политическое и экономическое чутье. О количествѣ основанныхъ Даниломъ городовъ лѣтопись говоритъ: «созда города многи», не всѣ называетъ, но мы знаемъ, кромѣ Холма и Львова, еще Даниловъ, Истожекъ. Лѣтопись сохранила имя искуснаго инженера «хитреца Алексѣя». О построеніи Холма сохранилось красивое преданіе, какъ плѣнился красотой мѣста кн. Данилъ, и довольно подробное описаніе устройства стѣнъ, башни, колодца, богатаго сада и каменнаго столпа съ изваяннымъ двуглавымъ орломъ, «гербомъ Даниловой державы». Съ горы, на которой стоитъ Холмъ, открывается видъ на низменность, на противоположномъ концѣ которой красуется городъ Львовъ. Еще чаще и подробнѣе описываетъ лѣтопись постройку и украшеніе церквей, монастырей, снабженіе ихъ иконами, утварью, церковными одеждами, наконецъ, книгами. Патрональными церквями были: во Владимирѣ Волынскомъ—храмъ Успенія, гдѣ погребены князья Романъ Мстиславичъ, Василько и жена его, Владимиръ Васильковичъ; въ Галичѣ—соборъ Пресв. Богородицы съ усыпальницами князей Владимирки и Ярослава Осмомысла; въ Холмѣ—соборъ Пресв. Богородицы, гдѣ погребенъ Данилъ Романовичъ

и сыновья его. Не мало возникло монастырей на территории Волыни и Галиции, среди нихъ отмѣтимъ и княжескій монастырь св. Апостоловъ, построенный Владимиромъ Васильковичемъ, и основанный игуменомъ Петромъ, будущимъ митрополитомъ всея Руси, Ратенскій, и Синеволодскій на р. Стрыѣ, гдѣ Данилъ видѣлъ многихъ бѣглецовъ отъ безбожныхъ татаръ, и Даниловскій—въ Угровскѣ, гдѣ постригся Войшелкъ, и



Городъ Холмъ
въ XVII вѣкѣ.

монастырь г. Полонины, гдѣ проживалъ извѣстный святостью жизни, наставникъ иночества, Григорій; ко времени татарскаго нашествія относятъ и основаніе знаменитой Почаевской обители кѣвскими иноками. Внѣшнему благосостоянію, богатству соотвѣтствовало культурное состояніе Южной Руси. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ и памятники искусства и памятники письменности. Вотъ напр., описаніе церкви св. Іоанна Златоуста въ Холмѣ, творенія «хитреца Авдія». «Главныя арки были утверждены на четырехъ человѣческихъ головахъ (неясно говорить лѣтописецъ), искусно изваянныхъ художникомъ. Три алтарныхъ окна были украшены стеклами римскими, а своды покрыты лазурью и золотыми звѣздами; два алтарные столба высѣчены изъ цѣльнаго камня; бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою художника; снаружи храмъ былъ испещренъ «прилѣпами», т.-е. рѣзными украшеніями».

Несмотря на гибель памятниковъ преемственности въ періодъ нашествій и смуть—мы имѣемъ не мало произведеній Галицко-Волынской земли: и многочисленныя священныя и богослужебныя книги, какъ-то Евангеліе, Псалтири, Ирмолон, Прологи, и списокъ сборника Святослава, найденный въ Перемышлѣ, и сборникъ съ переводомъ хроники І. Малалы, и сборникъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ. Собственноручнымъ рукописаніемъ и массой книгъ снабжалъ церкви великій книжникъ кн. Владимиръ Васильковичъ. Этотъ «философъ», «ясно глаголаше отъ книгъ», разумѣлъ древнюю исторію и много бесѣдовалъ отъ книгъ съ епископомъ. Онъ и его жена заказали переписать Кормчую для митр. Кирилла. Просвѣщенный примѣръ князей (Даніила лѣтописецъ называетъ мудрымъ, вторымъ Соломономъ) находилъ себѣ подражаніе. У кн. Даніила былъ печатникъ Кирилль, у Владимира—писецъ Ѳедорець. Въ XIII вѣкѣ въ Галичѣ славился премудрый Тимофей, а неизвѣстный галицкій священникъ переписываетъ для венгерскаго монаха книгу Судей и сообщаетъ свѣдѣнія о татарахъ. Для князяго тіуна Петра переписываются поученія Ефрема Сирина. Наконецъ, сама Галицко-Волынская лѣтопись—безсмертный памятникъ по своимъ историческимъ и литературнымъ достоинствамъ, а сохранившіеся въ ней обрывки народной поэзіи и упоминаніе о славномъ пѣвцѣ Даніиловомъ Митусѣ напоминаютъ, что не изсякала волна народнаго творчества. Такимъ образомъ, справедливы слова въ житіи митр. Петра, уроженца Равы—города, что въ его время «была въ чести и времени земля Волынская, превосходящая изобиліемъ и славою».

Но что же за пятна были на этой блестящей картинѣ матеріальнаго и духовнаго развитія Галицко-Волынскаго государства? Близость къ Западу, частыя политическія сношенія, общеніе на почвѣ экономической и культурной, брачныя союзы князей и дружинниковъ съ иноземцами и иновѣрцами—все это создало широкую вѣротерпимость, мягкое отношеніе къ иноземцамъ, стремленіе (у Даніила и у лѣтописца) найти общехристіанскія и общечеловѣческія точки взаимнаго соприкосновенія. До XIII вѣка эта близость къ Западу уравнивалась не меньшею близостью къ Византіи, тѣсною связью съ Русью. Съ XIII в. и то, и другое ослабляется и мало-по-малу обрывается. А между тѣмъ и Римъ, и Нѣмцы не упускали изъ виду цѣлей пропаганды католичества и онѣмеченія славянъ, продолжали быть воинствующимъ элементомъ. Мы видѣли уже попытки со стороны Рима при сильныхъ князьяхъ Романѣ и

Даниилъ, не удивительно, что эти попытки были успешнѣе при такихъ князьяхъ, какъ Юрій II—Болеславъ, перешедшій въ католичество и притѣснявшій своихъ православныхъ подданныхъ. Мы видѣли также, какъ хозяйничали нѣмцы въ Краковѣ, и не удивимся тому, что широкая волна нѣмецкой, еврейской, польской, литовской колонизаціи, хлынувшая въ Галичъ со временъ Даниила, уничтожила этнографическую цѣлость населенія и ослабила его національную стойкость. Это обстоятельство въ связи съ ролью боярства, которое, особенно въ Галичѣ, всегда легко воспринимало чуждые идеалы, подготовило благоприятную почву при внѣшнемъ натискѣ со стороны Польши и Литвы. И такимъ образомъ, та своеобразная черта Галицко-Волынской жизни, которая и поражаетъ, и плѣняетъ насъ, черта широкаго умственного и духовнаго размаха—оказалась роковой въ исторіи Южной Руси, и невольно вспоминается аналогичный моментъ въ жизни Сѣверо-Восточной Руси, когда то же прекращеніе династіи, въ сложное по внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ время, вызвало «великую разруху Московскаго государства», но не имѣло пагубныхъ послѣдствій, благодаря силѣ и опредѣленности національнаго чувства народа.

ГАЛИЦІЯ ПОДЪ ИНОЗЕМНОЙ ВЛАСТЬЮ.

Съ 1340 по 1387 годъ шла борьба между Польшей и Литвой за обладаніе Галицко-Владимирской землей, съ 1340 по 1387—русскіе люди, понимавшіе опасность, дѣлали безплодныя попытки выйти изъ этой борьбы побѣдителями, подобно своимъ предкамъ въ прежніе годы. Грамоты Казимира и папы ясно показываютъ конечную цѣль ихъ политики: «отметить обиду, причиненную христіанской вѣрѣ» (устраненіемъ Юрія II—Болеслава—сторонника Рима), для чего Казимиръ двинулъ полки на Русь. Римская курія, Венгрія и нѣмецкій Орденъ явились союзниками Польши противъ Руси и, соединившей съ нею свои интересы, Литвы. Въ этой 47-лѣтней борьбѣ останавливаются на себѣ вниманіе, какъ личность трагическаго князя Любарта, такъ и личности двухъ бояръ: Дѣтки и Даниила Острожскаго, дѣлавшихъ геройскія усилія для отстаиванія независимости Галицко-Владимирской земли. Въ 1386 г. бракъ Ягайлы съ

Ядвигаюй, соединивъ Литву съ Польшей, кончилъ долгій споръ тѣмъ, что Червоная Русь вошла въ составъ Польши подъ именемъ русскаго воеводства (Львовская, Перемышльская, Саноцкая, Галицкая и Холмская земли); унія 1569 г. закрѣпила за ней эти земли окончательно. И тотчасъ же хлынула волна польской колонизаціи въ богатые Южно-Русскія области: тутъ была мелкая шляхта, тутъ были безземельные шляхтичи, тутъ были и представители знати, изъ которыхъ выросли тѣ магнаты, которые впоследствии держали въ своихъ рукахъ судьбы Польши,—и все они шли на русскую почву, чтобы осуществить здѣсь всю ту полноту правъ, для которой мало было простора на родинѣ. Тѣ изъ русскихъ бояръ, что проявили солидарность съ польскимъ элементомъ, вошли въ ряды этого правящаго класса и слились по духу съ нимъ; тѣ же, что оставались вѣрны своей народности и вѣрѣ, еще долго боролись съ католическимъ натискомъ и, на ряду съ нѣкоторыми княжескими родами, заслужили славу стойкихъ борцовъ; наконецъ, многіе оттѣснились на задній планъ и растаяли въ народной массѣ. Эта народная масса и стала хранить православіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою національность, и оправдала слова, что въ Галичинѣ православіе держитъ: «хлопъ да пошъ». Политику польскаго правительства испытали и русское мѣщанство и земледѣльческій классъ. Русское мѣщанство было отстранено отъ самоуправленія городскихъ общинъ: магдебургскимъ правомъ схизматики не пользовались. Земледѣльческій свободный классъ постепенно спускался въ положеніе рабовъ. Но остались свободныя общины у подножья Карпатъ и, благодаря этимъ свободнымъ горцамъ, благодаря тому, что сосѣднія степи звали къ себѣ недовольныхъ—въ Галичинѣ мы видимъ броженіе среди русскаго населенія уже въ XV вѣкѣ; впервые въ Червоной Руси примѣнили къ бѣглецамъ въ степи—имя козака; въ Галичинѣ въ 1490 г. встрѣчаемъ возстаніе противъ польскаго ига подъ предводительствомъ нѣкоего загадочнаго Мухи и такимъ образомъ, тамъ намѣчаются тѣ событія, что черезъ два вѣка разыгрались на южной Руси.—Понятно, что церковь явилась въ Галиціи единственнымъ центромъ, въ которомъ сосредоточилась вся историческая жизнь русскаго народа, единственной хранительницей традицій религіозныхъ, національныхъ и историческихъ. Къ чести Галиціи надо сказать, что свою вѣру она хранила въ вѣка борьбы не съ меньшимъ, если не съ большимъ мужествомъ и постоянствомъ, чѣмъ остальная Юго-Западная Русь, а между тѣмъ положеніе православной церкви здѣсь было въ худшихъ условіяхъ. Еще за время самостоятельности края, въ

XIII вѣкѣ, благодаря терпимости галицкихъ князей, доминиканцы получили разрѣшеніе устроиться въ Галичѣ, а францисканцы—въ Перемышлѣ, что подало поводъ Казимиру признать своей первѣйшей задачей усилить католицизмъ здѣсь учрежденіемъ викариатства, устройствомъ латинскихъ епархій, поставленіемъ латинскаго архіепископа. Одновременно же онъ стремится ослабить и унижить православное духовенство. Въ Галицко-Владимирской землѣ къ этому времени были: древнѣйшая, со временъ Владимира Святого, Владимиро-Волынская епархія, къ которой присоединились Луцкая и Перемышльская, съ XII вѣка—Галицкая и со временъ Данила—Холмская. Еще при Юріи Львовичѣ явилась попытка устроить особую Галицкую митрополию, и изъ первыхъ митрополитовъ былъ св. Петръ, удалившійся затѣмъ въ Москву. Обособленность отъ общерусской митрополіи была на руку польскому правительству, а съ конца XIV вѣка оно пробуетъ нанести сильный ударъ православію. Латинскія епархіи располагаются на мѣстѣ православныхъ, захватывая церкви и имущество; исчезаетъ епископство, и по духовнымъ дѣламъ православные должны ѣздить въ Молдавію. И если затѣмъ мы видимъ опять Галицкаго епископа, подчиненнаго митрополіи Кіевской, то униженіе православнаго духовенства все-таки характеризуется тѣмъ, что попы и хлопы сравнены въ несеніи повинностей, а православные должны платить

десятину въ пользу католической церкви. Хотя попытка ввести въ Галиціи унию во время Флорентійскаго собора не удалась *), но притѣвленія православныхъ и крайній фанатизмъ польскаго духовенства проявля-

Епископъ
Гедеонъ
Балабанъ.



десятину въ пользу католической церкви. Хотя попытка ввести въ Галиціи унию во время Флорентійскаго собора не удалась *), но притѣвленія православныхъ и крайній фанатизмъ польскаго духовенства проявля-

*) Любопытно, что отверженный митр. Исидоръ фигурируетъ въ учебникахъ современныхъ правительственныхъ Галицкихъ школъ.

ются весьма ярко. Во второй половинѣ XVI вѣка львовскій архіепископъ Суликовскій принуждаетъ русскихъ праздновать католическіе праздники и разгоняетъ молящихся изъ православныхъ храмовъ наканунѣ Рождества Христова. Съ введеніемъ уніи 1596 года началась еще болѣе ожесточенная борьба, ибо Галицкая Русь уніи не приняла, и положеніе ея рисуется въ протестѣ Львовскаго братства 1598 года. «Русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, изъ рукъ священниковъ вырываютъ Св. Тайны и бросаютъ на землю; не допускаютъ русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже были записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пеней и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскіе костелы». Если притѣсненія въ Галиціи были таковы же, что и вездѣ на Юго-Западной Руси, то и борьба велась знакомыми намъ средствами. Одной изъ первыхъ крупныхъ фигуръ является львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, поставленный за свою ревность въ экзархи Константинопольскаго патріарха. Вокругъ этого святителя, «непокорнаго старика Сусанина» (по выраженію Ипатія Потѣя), сплотилась вся Русь, и крѣпко держалась греческаго исповѣданія; Гедеонъ Балабанъ строилъ церкви, заводилъ школы, типографіи. Въ его имѣніи Стратинѣ и во Львовѣ были школы съ преподаваніемъ греческаго языка. Въ типографіяхъ печатались книги по греческимъ спискамъ, для чего епископъ сносился

34.



ДѢЯНИЯ СВЯТЫХЪ АПОСТОЛЪ

ПЕРВОЕ ОУБО СЛОВО СВЪТОРИХЪ ОВЪСѢХЪ, ЗА А
 СЪДЕОФИЛЕ. ОНИХЪЖЕ НАЧА ІС, ТВО
 РИТИЖЕ И ОУЧИТИ. ДОНЕГОЖЕ ДНЕ
 ЗАПОВѢДАВЪ АПЛОМЪ ДХОМЪ СТЫ
 ИХЪЖЕ ИЗБРА ВЪЗНЕСЕА. ПРЕНИМН
 ЖЕ И ПОСТАВИ СЕБЕ ЖИВА ПОСТРАДА
 НИИ СВОЕМЪ. ВЪМНОЗЕХЪ ИСТИННЫХЪ ЗНАМЕ
 НИИХЪ. ДНЬМИ ЧЕТЫРИ ДЕСЯТЬМИ ГЛАВ
 АСА ИМЪ ИГЛА ІАЖЕ ОЦТВИИ БЖИИ. СНИ
 МИЖЕ ИИДЫ, ПОВЕЛѢВАШЕ ИМЪ ШИРОСАНИ
 МА НЕШЛАЧУТИСА. НО ЖДАТИ ОВѢТВОАНИЕ
 ШЧЕЕ, ЕЖЕ СЛЫШАЕТЕ ШМЕНЕ. ІАКО ІШАНИЗ
 ІУВО КРТИНАЗЪ ЕСТЬ ВОДОМЪ. ВЪІЖЕ ИМАТЕ КРЕ
 СТИТИСА ДХОМЪ СТЫМЪ, НЕПОМНОЗЕХЪ СІ
 ДНЕХЪ. СНИЖЕ ІУВО СЪШЕШИСА, ВЪПРАШАХЪ

ВЪСТЮИ ИВЪЛНИЮ ИЛ ПАХИ. ИНАВЪЗНЕСЕ
 НИС ГНЕ.

ИЗЪ АПОСТОЛА ЛЬВОВСКАГО ИЗДАНИЕ (1573-1574)

съ патриархами и лично переводилъ съ греческаго. Говорить о дѣятельности всѣмъ извѣстнаго князя Константина Острожскаго не приходится. Но то, что предпринимали отдѣльные борцы, продолжало долгіе годы Львовское ставропигійное братство: извѣстны его школа, его типографія, гдѣ работалъ печатникъ Иванъ Федоровъ, и гдѣ печатались многія сла-



изъ апостола львовскаго изданія, (1573-1574г)

вяно-русскія сочиненія. Въ обширной полемической литературѣ XVII в. встрѣчаемъ писателей — Галичанъ. Таковы Юрій, авторъ «Перестроги», Копыстенскій Захарій, авторъ «Палинодіи», и въ особенности пламенный афонитъ Іоаннъ Вишенскій и схимонахъ Іовъ Княгинецкій. Іоаннъ, уроженецъ Вишни въ Галиціи, ушелъ на Святую гору Афонскую, посвятивъ себя иноческимъ подвигамъ. Но и изъ своей далекой Зографской обители онъ слѣдилъ пламенной душой своей за всѣмъ, что дѣлалось на родинѣ, скорбѣлъ и посылалъ свои бурныя посланія. Искреннее чувство, выразительность, смѣлость произвели сильное впечатлѣніе. Онъ громилъ пороки, громилъ измѣнниковъ православію, громилъ измѣну старо-русскимъ обычаямъ

и возврѣніямъ; онъ скорбѣлъ за судьбу тѣхъ, «кто изъ одной мисочки борцикъ хлебають, простой свитой покрываются...». «Эта

ковъ. Въ Манявскомъ скитѣ и скончался великій старецъ.—Хотя совѣмъ далеко была Москва, но случайныя точки соприкосновенія были, и служили онѣ тонкой нитью, связывавшей отдѣленные пространства и судьбой русскія земли. Такъ старецъ Іовъ былъ въ Москвѣ за сборомъ милостыни, такъ царь Θεодоръ Іоанновичъ оказалъ щедрую поддержку Манявскому скиту и послалъ богатую милостыню Львовскому братству: на куполѣ Львовскаго Успенскаго собора доселѣ хранится надпись: «Царь Θεодоръ Іоанновичъ бысть благодѣтель храма сего». Этотъ храмъ явился т. о. результатомъ благотворительной дѣятельности московскаго царя и грека Константина Корніакта, переселившагося въ южную Русь. Изъ послѣдняго факта, равно какъ изъ житій Іоанна Вишенскаго и Іова, можно наблюдать, что связь съ Константинополемъ продолжалась не только оффиціальнымъ путемъ церковныхъ отношеній. И мы должны сказать, что твердость и устойчивость въ тяжелые годы подневольной жизни, проявленная Галиціей, является результатомъ той работы политической и культурной, какую мы наблюдали въ періодъ ея самостоятельнаго существованія. Замѣтная въ то время обще-русская связь и частыя сношенія съ Царьградомъ способствовали и въ годы оторванности и обособленности отъ Сѣверо-Восточной Руси и Константинополя—поддержанію слабаго пламени народнаго и православнаго единенія.

Но наступало время, когда сила сопротивляемости народа чужому засилью ослабѣла. Новыя правовыя нормы и вторгнувшаяся польская жизнь дѣлали свое дѣло. Подъ вліяніемъ польской культуры ополячивалась и окатоличивалась родовитая знать: «ихъ сманили, ихъ плѣнили Польши шумные пиры»; подъ ударами новыхъ экономическихъ условій упала городская жизнь: почти прекратилась торговля и промышленность; подъ ударами новыхъ социальныхъ условій закрѣпощалось крестьянство, изнемогавшее подъ барщиной, и превращалось въ забитое холопство. Невыносимый религіозный и социальнo-экономическій гнетъ вызывалъ въ Галичинѣ рядъ возстаній въ Городкѣ, Яновѣ, Тарнополѣ; неудержимой волной разлилось это возстаніе во время движенія Богдана Хмѣльницкаго; тогда особенно сильно дѣйствовало Покутье (на правомъ Поднѣстровьѣ). Но и возстаніе Хмѣльницкаго, столь благопріятное для Малороссіи, не принесло ничего Галиціи; наоборотъ, съ присоединеніемъ восточной Украйны и Кіева къ Москвѣ, съ подчиненіемъ Кіевской митрополіи Московскому патриарху, съ отливомъ населенія изъ право-бережной

Украины въ лѣво-бережную—Галицкая земля оказалась еще въ болѣе обособленномъ, одинокомъ и беззащитномъ положеніи. И результатъ не замедлилъ сказаться: перешелъ въ унию епископъ Черемьшльскій, за нимъ въ 1700—Львовскій и ставропигія... Унія, которой такъ долго сопротивлялась Галиція, была введена. И послѣднимъ свѣточемъ православія остался только Манявскій скитъ, иноки котораго въ теченіе всего XVIII в. хранили православную вѣру и поддерживали воспоминаніе о ней среди Галичанъ.

На тяжелое положеніе Галиціи обратилъ вниманіе Петръ Великій и, въ бытность свою тамъ, требовалъ у польскаго короля прекращенія притѣвленія православныхъ и строгаго наказанія львовскому митрополиту Шептицкому за насильственное обращеніе въ унию Львовскаго братства *).— Однако духъ сопротивленія не вовсе еще угасъ въ народѣ русскомъ, и въ Карпатскихъ горахъ, въ Покутьѣ, продолжаютъ вспыхивать возстанія «опришковъ», такъ назывались мѣстные гайдамаки; «ватаги» опришковъ пополнялись и образовывались изъ гуцуловъ—горцевъ, которымъ много помогало сосѣдство съ Молдавіей. И до сихъ поръ въ народной лозіи звучитъ воспоминаніе объ этихъ «опришкахъ-гайдамакахъ», объ ихъ борьбѣ съ ляхами, положить конецъ которой не въ силахъ было польское правительство XVIII вѣка.

Въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, Галиція отошла къ Австріи за исключеніемъ двухъ округовъ (Тарнопольскаго и Скалатскаго), которые были отданы Австріи въ 1815 г., по Вѣнскому конгрессу, побѣдителемъ Наполеона и спасителемъ Европы, имп. Александромъ I, и миллионъ русскихъ людей, только что вернувшихся въ православіе, былъ насильственно переведенъ въ унию. Годы 1772 и 1815, такимъ образомъ, являются позорными страницами въ исторіи Руси Державной по отношенію ея къ Галиціи и роковыми для Руси подъяремной. Въ какомъ состояніи перешла Галиція изъ-подъ польской власти подъ австрійскую рисуютъ слова Левинскаго (оффиціала), въ 1773 г.: «я уже совершенно ежился съ мыслью, что Русь погибнетъ скорѣе, чѣмъ что-нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы чему-то учились: такъ

*) Интересно, что фамилія Шептицкихъ—роковая въ исторіи Галицкой церкви: таковы Шептицкій при имп. Екатериинѣ и Шептицкій нашихъ дней.

какъ, если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ безъ вины... Жаль, что конфедератамъ не повезло. Они бы насъ вырѣзали и успокоились, а то теперь бьютъ насъ, бьютъ и не могутъ убить». Дѣйствительно, народная масса была въ глубокомъ рабствѣ, не смѣя проявлять духовной жизни, мѣщанство малочисленно и безправно, единичные шляхтичи, оставаясь еще въ униі, по языку и національнымъ традиціямъ были уже чужды; духовенство—высшее тянуло къ латинству и польцизнѣ, низшее—невѣжественное было сравнено по положенію съ хлопами. Но эти-то «попы-хлопы» и поддерживали все-таки русскую народность.

Австрія завладѣла Галиціей въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II—эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Прежде всего она дала твердую бюрократическую власть вмѣсто польской анархіи. Идеи Іосифа II сказались въ облегченіи крестьянства: мы видимъ указы объ ограниченіи власти помѣщиковъ, о возвращеніи хлопамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, и эти мѣры показались, конечно, громаднымъ благодѣяніемъ для обездоленной массы. Политическія соображенія, недовѣріе къ польскому элементу, вынудили австрійское правительство обратить вниманіе на русскую народность, враждебную польской, и оказать поддержку униатскому духовенству. Съ этой цѣлью было обращено вниманіе на просвѣщеніе: открыты Львовская семинарія, Львовскій университетъ съ преподаваніемъ на богословскомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ, открыты при церквахъ сельскія школы. Нельзя, однако, забывать, что Іосифъ II при своей реформаторской дѣятельности хотѣлъ изъ различныхъ народностей, подчиненныхъ его власти, создать единую націю и лучшее къ тому средство видѣлъ въ германизации иноплеменныхъ и иноязычныхъ частей монархіи. И потому неудивительно, что именно Іосифъ II закрылъ и предалъ разрушенію Манявскій скитъ, служившій послѣднимъ напоминаніемъ о православіи. Скитъ привлекалъ къ себѣ тысячи богомольцевъ, и униатскіе храмы пустовали. До нашихъ дней развалины его будятъ въ населеніи воспоминанія о прошломъ и манятъ грезами будущаго: «чернецы де вернутся, обитель зацвѣтетъ снова, а ея слава и богатство стануть еще больше, чѣмъ были прежде». —Какъ бы то ни было, первые годы власти австрійской показались Галичинѣ много лучше польской. Но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось: наступилъ періодъ реакціи и католическаго вліянія, время Меттерниха. Началась система германизации путемъ поселенія нѣмцевъ въ Галиціи и путемъ введенія

въ школы нѣмецкаго языка. Взглядъ на русскую народность измѣнился. Если еще первый губернаторъ гр. Пергенъ предлагалъ употреблять русскихъ лишь, какъ орудіе противъ поляковъ, то нѣмецкій историкъ Энгель выразилъ еще опредѣленнѣе свой взглядъ на русскую опасность австрійскому правительству. «Кто не испугается того, что русскій генералъ Тутолминъ поясняетъ въ своемъ универсалѣ 1795 г., по поводу занятія Холма, Белза и Луцка, что то были когда-то составныя части древняго русскаго государства... А что было бы, если бы русскому кабинету вздумалось утверждать, что Галиція есть собственно русская провинція». Въ этихъ словахъ коренится причина всей дальнѣйшей политики Австріи. Она стремилась уничтожить и предать забвенію все, что такъ или иначе могло поддерживать единство и связь русской народности Галиціи съ Русью Державной... И Галиціи подъ австрійской зависимостью приходилось вести въ теченіе больше, чѣмъ столѣтія борьбу за народность, за языкъ, за свое національное самосознаніе, за свое прошлое. Австрійское правительство примирилось съ поляками и рѣшило предоставить имъ хозяйничаніе въ Галиціи, въ которой возобновился и польскій гнетъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія съ языкомъ преподаванія въ школахъ сельскихъ. Ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка материнскимъ было уважено съ замѣной нѣмецкаго... польскимъ, ибо по объясненію правительства, «мѣстный языкъ Галиціи—польскій языкъ» (1818 г.); и дальше найдемъ причину такого объясненія: «менѣе желательно распространять вмѣсто польскаго малорусскій языкъ, который есть лишь нарѣчіе російскаго языка». Но противъ полониза-



Маявскій скитъ.

Вѣжа вѣжливо-скитскаго монастыря въ Маявѣ.

ціи началась борьба. Несмотря на нужду и темноту «поповъ-хлоповъ» — колебанія въ вопросѣ о народности у нихъ не могло быть, и среди нихъ иной разъ появлялись начетчики, «дышавшіе типикомъ и псалтырью», которые помнили завѣты Іоанна Вишенскаго и писали «твоя родителька (православная церковь) не въ роскошахъ свѣта того, але въ гуняхъ, скурахъ...по горамъ..., абысте, прошедши тутъ сквозь огонь и воду, впроважены были до оного вѣчного покою». Церковный обрядъ—единственное, что напоминало о Руси. Представленіе о «велька русска маты» (выраженіе Гарасевича), о славномъ прошломъ стало смутнымъ.—Между тѣмъ политическія событія 30-хъ годовъ, увлеченіе романтическое народностью, вызвали и среди галицкой образованной молодежи стремленіе поработать на пользу Руси, чему способствовали и домашняя обстановка, и греческій календарь, и особый алфавитъ. «Часъ уже Ляхамъ перестати, а намъ, Русинамъ, начинати», написалъ одинъ семинаристъ. И дѣйствительно, выступаетъ на историко-литературное поприще знаменитая «троица»: Шашкевичъ, Василевичъ и Головацкій, издавшая въ 1837 г. сборникъ галицко-русскихъ народныхъ пѣсенъ: «Русалка Днѣстрова», и Зубрицкій, посвятившій себя изученію родной старины. На это движеніе откликнулись въ Россіи, и Максимовичъ изъ Кіева писалъ: «Возрожденіе словесности въ Червонной Руси есть явленіе утѣшительное... На какомъ бы ни писали языкѣ галичане—все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси... но надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ...» И далѣе онъ касается большого вопроса современности—соотношенія русскаго литературнаго языка и южно-русскаго. «Для русиновъ—пора польскаго языка прошла для нихъ давно, пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они, подобно вамъ (Зубрицкому), усвоили себѣ великорусскій языкъ, но ваша червонно-русская словесность должна быть по моему мнѣнію... на южно-русскомъ».—Австрійское правительство отвѣтило на литературное движеніе конфискаціей «Русалки Днѣстровой».—Наступали, между тѣмъ, въ Австріи революціонные годы: съ 1848—1866 измѣнились условія ея жизни и въ 1867 г. началась конституціонная жизнь Австро-Венгерской монархіи при императорѣ Францѣ-Іосифѣ. Галиція вошла въ сферу австрійскаго парламента. Въ опасные годы революцій Австрію спасали Россія при императорѣ Николаѣ I и русское населеніе Галиціи, о которомъ само правительство заявляло, что оно возлагаетъ надежду на «благонадежныхъ русскихъ поповъ и вѣрный,

